

The background of the cover is a vibrant illustration. On the left, a man's head is shown in profile, facing right. He has light-colored hair and a beard, and is wearing a green laurel wreath. His eyes are a striking blue. He is wearing a red garment with a gold border. In the background, a large, orange and yellow dragon is depicted, breathing fire. The overall color palette is dominated by warm tones of orange, red, and yellow.

МАСТЕР ЧЭНЬ

ЛЮБИМЫЙ
ЖЕРЕБЕНОК
ДОМА МАНИАХОВ

Мастер Чэнь

**Любимый жеребенок
дома Маниахов**

«АСТ»

2012

Чэнь М.

Любимый жеребенок дома Маниахов / М. Чэнь — «АСТ», 2012

Византия VIII века. Эпоха иконоборчества. Император Константин громит внешних врагов – арабов и болгар, восстанавливая былое величие страны, и безжалостно расправляется с внутренними – православными защитниками икон, особенно монахами. Не самое лучшее время оказаться в Великом Городе, превращенном озверевшими солдатами в арену массовых кровавых расправ. Но именно сейчас в Константинополе появляется загадочный согдиец Нанидат Маниах. Воин и целитель, торговец и шпион, он с головой окунается в бурю византийской гражданской войны. И единственное, где он может найти опору, чтобы не сорваться в бездну, – это сердце мудрой женщины.

© Чэнь М., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Книга драконов	5
1. Саракинос	5
2. Это называлось – Юстиниана	10
3. Но они существуют	16
4. О лошаdnиках идохлых собаках	26
5. Зеленые и синие	32
6. Беги, гнусная демонесса	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мастер Чэнь

Любимый жеребенок дома Маниахов

Книга драконов

И не вообразите, что говорю я с юношеской самоуверенностью или с заносчивостью варвара, когда сообщаю вам, что мы изменим это все. Из высказываний Удивительного Андреаса, записанных его друзьями

1. Саракинос

И мир изменился за мгновение.

– Саракинос, – выдохнул Прокопиус за моей спиной – он не успел еще испугаться, не успел удивиться.

Две бурые фигуры перегородили нам дорогу по дну ущелья. Двое всадников, закутанные в пыльно-грязные бурнусы непонятного цвета, такими же тряпками обмотаны их головы – но из этих тряпок торчат весьма характерные носы. Кони... строго говоря, я не мог по-настоящему рассмотреть ни коней, ни людей – им в спину, мне в лицо по ущелью тек расплавленный мед солнца, только мошкара взблескивала снежно-белыми хлопьями вокруг этих двух силуэтов и исчезала, сметаемая нервными взмахами конских хвостов.

А вот еще рукоятки мечей, чернеющие обрубками за плечами этой пары.

И – чувства в такие мгновения обостряются, а время почти останавливается – и неторопливый перестук копыт, который слышится откуда-то сзади, не от Прокопиуса, остановившегося почти у крупа моего коня, а там, дальше. Быстрое движение головой влево и назад – да, третий бурый силуэт. Итого три воина, фактически запершие нас в ущелье с довольно крутыми склонами.

Не просто воины. Бесспорно, «саракинос». Вне всякого сомнения – именно «саракинос».

Этого, конечно, никак не может быть. Все равно что вы подъезжаете к воротам дворца бухар-худатов для очередного неприятного разговора с его главным обитателем и видите, как вам навстречу неспешно выходит на задних лапах аджахор, волоча по дворцовым ступеням черный чешуйчатый хвост и выковыривая когтем кровавые ошметки мяса из длинных тонких зубов. Другое дело, что нелучшая идея – тратить время на размышления о том, почему такого никак не может случиться.

Не стоило думать и насчет того, что не могли трое «саракинос» вот так неспешно ехать по дну этого ущелья, даже не вытаскивая мечей из-за плеч. Да, мы почти в пустыне – точнее, среди гор, заросших лесом, где деревни и городки большая редкость. Да, на юг отсюда начинаются совсем другие ущелья, под иной властью. Их – вот этих троих – властью. Но все-таки мы по эту сторону границы, в империи, которая ведет войну с «саракинос» уже сто восемнадцать лет. Сначала – войну жалкую, попросту катастрофическую, но потом проклятые завоеватели все-таки отхлынули, вопреки всему, от стен Города и больше к ним не подступали, ну, а сейчас...

Сейчас война стала совсем, совсем другой. Где-то не очень далеко отсюда граница, укрепленные городки и кастры на вершинах гор над ущельями, тысячи ополченцев сторожат эту границу с удивительной эффективностью. Это не императорская армия, которая когда еще доскачет, – это местные люди, знающие здесь каждую тропу. Войну, вообще-то, никто не прекращал, и бурая река вот таких всадников в развевающихся плащах, растекающаяся по какой-то здешней долине, – да, это может произойти в любой момент. И тогда – известно, что делать:

спокойно уйти с пути этой реки, чье приближение выдает грохот и дрожь земли, ржание, крики. И следить за тем, как силуэты в серых плащах перегораживают этой армии путь к отступлению поваленными деревьями, а их собратья неспешно и беззвучно расстреливают вторгшихся с горных склонов.

Но увидеть эту одинокую троицу здесь и сейчас, в узкой расщелине, среди утреннего золота лучей и постепенно нагревающейся солнцем листвы...

– Ий-я Сакр, – радостно и уверенно сказал один из «саракинос» другому, вглядываясь в мое лицо. – Ай салам!

И он приложил ладонь ко лбу, потом к складкам бурнуса, там, где сердце.

Этого тоже не может быть никак. «Сакр» означает «Ястреб». Ястреб – это я. Но вообразить, чтобы человек, которого я вижу впервые в жизни и который вообще не должен находиться по эту сторону границы, знал меня в лицо, знал, что я должен проехать по этому ущелью вот сейчас – если даже я сам, проснувшись, не собирался никуда ехать...

Но в эти мгновения я, конечно, ни о чем не думал. Даже о том, что Прокопиуса, как я успел заметить, эти двое вообще не удостоили взгляда. Хотя это и было в моей ситуации самое главное. Меня эта троица явно не собиралась рубить на месте, а вот Прокопиус... он, похоже, им попросту был не нужен. А что делают на этой войне с человеком, который не нужен – то есть мешает, – можно себе представить.

В общем, думать времени не было. Моя правая рука поднималась ко лбу, губы выговаривали хриплое «салам», а левая рука была занята поводьями, ноги тоже начинали движение.

Крутой склон справа? А вот сейчас увидим, очень ли он крутой.

Что за кони были у этих пришельцев, рассматривать долго не стоило. Иранские, конечно, но не лучшие. Обычные солдатские кони. Прокопиус, как и вся остальная наша компания, менял лошадей по дороге, то есть особо не выбирал – плохо. А вот мой вороной, да что там – угольно-черный Чир (гордый обладатель человеческого имени) тоже был иранцем, и хорошим, вдобавок я ехал на Чире от самого дома. А это означало, что мы с Чиром хорошо знали и понимали друг друга.

Вряд ли эти «саракинос» когда-либо в своей жизни играли в цуканион, или попросту цукан. Это восхитительная иранская забава, когда две веселые оравы всадников поднимают тучи пыли или земли, пытаясь длинными молотками отбить друг у друга плетеный и обтянутый тканью мяч. Цукан – развлечение принцев, то есть игра строгих правил. Вы не можете тыкать молотком в ноздри коню вашего соперника и не можете еще много чего другого.

Но правила для того и есть, чтобы было что нарушать, желательно незаметно. И Чир за свою довольно долгую – восемь лет – жизнь показал удивительную склонность к изящному хамству на цуканионовых полях: ну рассердился конь, шарахнул кого-то копытом, всадник мгновенно укрощает его, это все – в рамках правил. И дальше конь с невинным видом продолжает свои пируэты и рывки по полю. Получая от этого своего вида особое удовольствие.

То есть, в общем-то, Чир – если бы был человеком – считался бы на редкость подлым и зловредным созданием.

Поприветствовав незнакомца своим «салам», я опустил правую руку на поводья, наклонился и сказал Чиру на ухо на нашем с ним родном языке пару знакомых ему слов, которые переводятся примерно как «пора позабавиться». Черное ухо Чира встало торчком, и, повинуясь движению моих ног и узде, он начал приближаться к загородившей нам дорогу паре.

Но одновременно – поскольку тропа была очень узкой – мы с Чиром чуть-чуть взобрались вправо по склону (конь Прокопиуса, как я с удовольствием заметил краем глаза, тоже сделал пару шагов вперед – Прокопиус молодец).

А потом я толкнул лошадиный живот голыми пальцами ног, обутых в высокие сандалии, и Чир, поравнявшийся уже с двумя чужими конями и оказавшийся чуть выше их, выдал эффектную свечку на задних ногах, дергая передними копытами, и вообще сделал вид, что

испугался и озлобился одновременно. А затем театрально обрушился на одного из пришельцев всем своим весом – якобы поскользнувшись на косо́й поверхности.

Дальнейшее было предсказуемо и очевидно. Оскаленные желтые зубы, дикие от страха белки глаз, испуганное ржание, запутавшиеся конские ноги, стремяна, нелепые взмахи рук всадников, два коня и два человека копошатся на земле, а Чир, на самом деле совершенно не собиравшийся падать, делает прыжок вперед с двух задних ног и продолжает путь выше по склону, оставив поверженных позади. И, наверное, ехидно улыбаясь при этом в мундштук.

Вот теперь начиналось главное. Я обернулся к Прокопиусу и лихорадочно закурил рукой: за мной.

И заметил в эту долю мгновения, что Прокопиус нахмурен, сосредоточен, чуть зол, но в целом спокоен. Отлично. В ином времени... Впрочем, всего-то года полтора назад, когда от меня зависели десятки или сотни человеческих жизней... такие лица в подобные мгновения были у лучших из лучших солдат. Что, впрочем, не всегда спасало их от гибели.

Но сейчас дело было не только в Прокопиусе. В его коне. Который, как и всякое нормальное животное, пуглив, нервен – и в цуканион, конечно, не играл никогда. И вообще ничем особенным не отличался.

Мы с Прокопиусом обогнули по склону шевелившуюся у самых наших сандалий кучу копыт, животов в подпругах, босых ног и тканей, а третий всадник, понятно, остался сзади, товарищи перегородили ему дорогу, гнаться за нами в одиночку ему не было смысла – ну и отлично.

А дальше было хуже. Наши два топорика для хвороста против трех мечей – а эта троица все равно догонит коня Прокопиуса, пусть и не сразу, – не утешали. Впереди должна была быть развилка дорог и от нее – резко направо, почти назад – путь в другое ущелье. А по нему в конце концов можно доскакать до одного очень хорошего места. И в одиночку я, возможно, это бы сделал. А может, и нет. Но с Прокопиусом и его конем...

Голова самостоятельно сравнивала расстояния, замеряла угол солнца – кто знает, как она работает в такие моменты. Итак, около полуфарсанга туда, по ущелью, а потом почти столько же не просто направо, а фактически в обратном направлении, но по другому ущелью? Получается, мы должны всего-то обогнуть один длинный, не очень высокий, заросший лесом холм? А если по-другому, то какой у него там, с другой стороны, спуск?

Мои ноги и уздечка тем временем немилосердно направляли Чира вверх по склону, заросшему редкими ореховыми деревьями. Нос его почти прикасался к крупу коня Прокопиуса, и я не сомневаюсь, что эти двое четвероногих как-то разговаривали друг с другом, потому что всю дальнейшую дорогу вверх они прошли не просто вместе – мой подлый конь двигался на полшага сзади, как бы подталкивая собрата вперед и вверх, прыжками, чудовищно медленно.

По склону наискосок, еще выше, тут лишь колючие заросли ежевики (ягоды черные и огромные, тронь их – оторвутся и упадут в пыль, оставляя в ней каплю-другую чернильного сока). Ругань сзади утихла, слышится неровный перестук копыт, злой храп и сухое шуршание множества катящихся по склону камешков: «сакр-р-р, сакр-р-р». Не так и далеко, к сожалению. Они все ближе. По спине текут мокрые струйки. Прокопиус клонится к гриве, молча подгоняя коня вверх.

Ни рощи, ни кустов – мы выезжаем на солнце, здесь, на вершине, очень много неба, лицо овекает довольно горячий уже ветер. Кругом все еще не видно ничего, только округлые лысоватые вершины, пониже листья, ветки, над головой – черточка крыльев какой-то птицы в вышине. Один здесь холм или два? Придется ли снова карабкаться вверх? Моему коню восемь лет, он уже не играет в цуканион, а этому, местному... вот он мотает головой и роняет хлопья пены с боков. А умеет ли он сползать вниз по склону? И, главное, какой там все же склон?

И, наконец, сколько еще скакать потом по другому ущелью – если я ошибся в расчетах? Допустим, я пускаю Прокопиуса вперед, снова говорю этой троице «салам», загораживаю ей

дорогу и пытаюсь объяснить жестами – а действительно, как бы узнать, что ей от меня надо? А потом можно резко развернуться... В узком ущелье, которое должно быть там, внизу, такая штука может получиться.

Вниз! В любом случае вниз!

Прокопиус – молодец, отпустил повод, откинулся на круп, не мешая коню осторожно двигаться по склону.

Поворачиваю голову назад: близко. К сожалению, очень близко. Они вполне могут, все или один из них, спуститься в ущелье на несколько шагов раньше и снова заблокировать нас с обеих сторон. И тогда уже...

Фыркание чужих лошадей совсем рядом, бурые силуэты на кромке зрения. Звон металла. Шуршанье листвы, бьющей коней и всадников куда попало.

Но тут справа и снизу, там, куда спускается склон, заросший кустиками жесткого бурьяна и редкими корявыми деревьями, возникает отдаленный, высокий и чистый деревянный звук.

– Нэ! – говорит Прокопиус, поворачивая ко мне мокрое, удивленное и счастливое лицо. И мы всеми силами пытаемся не дать нашим коням упасть и кубарем покатиться вниз, направляем их туда, на этот прекрасный звук.

Я не ошибся.

Кони судорожно перебирают передними ногами, задние скользят вниз среди целого потока беловатых сухих камушков. Пять коней почти в ряд – нет, хуже, эта троица постепенно охватывает нас с двух сторон, как я и опасался. Приземлятся на мгновение раньше, повернут своих тяжело дышащих животных лицом друг к другу и подождут, когда мы окажемся все в той же ловушке.

Но это было бы так, если бы ущелье в этом месте оказалось столь же безлюдным. А оно тут несколько иное. И этого наши преследователи то ли не знают, то ли...

Звонящий светлой радостью деревянный стук все ближе – мы плывем среди осыпи камней, скатываемся прямо на звук. Трое «саракинос» пытаются замедлить ход, но поздно – мы вдруг, все пятеро, оказываемся на последнем пологом склоне, ведущем в маленькую долину.

А здесь – скромное, ухоженное чудо. Круглые, с серебристыми листьями, верхушки фруктовых деревьев. Ровные ряды виноградной лозы на далеком холме. И в центре рая – не деревня, а нечто получше. Несколько – а на самом деле одно кое-как слепленное вместе здание, под бурой чешуей черепичных скатов. Толстые, толстые белые стены с узкими прорезями окон. Над этим скопищем крыш – две круглые и крепкие башни розовато-серого камня, увенчанные тусклым свинцом куполов, над каждым из куполов среди раскаленного марева плывет черный, мощный равносторонний крест кованого железа.

Перед этими белыми стенами и серыми деревянными воротами – чистая земляная площадь, на ней – трое-четверо личностей в метущих пыль длинных темных серых одеждах что-то грузят на телегу. Еще какие-то люди в отдалении, лениво поворачивающие голову в сторону пятерки храпящих коней, рушащихся вниз по склону.

То есть – нет, не совсем так. На нас с Прокопиусом, вообще-то, не очень и смотрят. Вот мы уже почти на площади, перед нами дедушка, опершийся на ручку соломенной метлы. В черном колпаке с плоским верхом и с пушистым венчиком серой бороды, растущей прямо от глаз. Ниже бороды – до самой земли – черная подпоясанная ряса. Дедушке мы неинтересны. Его глаза устремлены на наших преследователей, которые пытаются затормозить коней. У него очень веселые глаза, у этого дедушки, глаза светлой голубизны, и в них никакого страха, а, наоборот, удивленная радость охотника.

А деревянная доска у ворот – ее называют «симандр» – вдруг запинаясь и начинает звучать совсем по-другому, часто и призывно.

Из ворот – толстых, бревенчатых – высовывается бородатая голова в черной шапке, но также и рука с внушительной дубиной.

Мы с Прокопиусом переходим на шаг. Из ворот выбегает пара вооруженных людей, а за ними человек на мохнатой лошади, еще один. Мы одновременно оборачиваемся к склону – наши преследователи еще там, но тянут поводья, подталкивают коней наискосок и в сторону, пытаются уйти.

Из ворот показывается еще один всадник, за плечами его – внушающий уважение лук.

Прокопиус сползает по пенному боку, берет у меня уздечку, ведет обоих коней в ворота и в угол длинного двора. Потом, чуть шатаясь, возвращается, бросает на меня взгляд и молча ныряет в низкую дверь под тем самым мощным сооружением, в небе над которым плывет крест.

Я следую за ним, потому что это правильно, потому что больше сейчас идти некуда. Нам никто, естественно, не препятствует, хотя любопытствующие явно есть.

Там, в храме, остро пахнет хвоей и теплым воском, с роскошной медлительностью плывут пылинки в горячих лучах. Когда-то, как говорят, из-под купола на потолке на тебя смотрели неотрывно темные горестные глаза их казненного бога. Теперь другие времена, один лишь синий мозаичный крест украшает белые полукруглые стены за алтарем. Под куполом же – только свет, чистый свет.

Прокопиус падает лицом на неровные камни. Я смотрю на крест – многовековой символ мироздания, четыре стороны света – и благодарю всех своих богов.

И только потом, через некоторое время, Прокопиус поднимается, подходит и благодарно обнимает меня.

2. Это называлось – Юстиниана

То было не начало истории, а ее середина. Прекрасное место, спасшее нас с Прокопиусом, было нам обоим хорошо знакомо уже несколько дней – с момента приезда в этот край, с первого же вечера. Каким был этот первый вечер? Вот некто Андреас, тощий, с отросшей в пути рыжей щетиной на костистом подбородке, но не утративший обычного радостного пламени в глазах, подходит к нам, поднимая пыль сандалиями.

– Изумительно, странно, грустно, – говорит нам Андреас. – Здесь таится печаль, не боюсь этого слова. Но меня, как и нескольких других собратьев, посещает поистине прискорбная мысль. Мы забыли о чем-то важном.

– И что же это? – благосклонно наклонила к нему светлую голову Зои.

– Еда, – хищно воззрился на нас Андреас. – Согласитесь, что это не пустяк. Да-да, вот именно еда!

– Тир-р-рон, – горячо сказала Анна. – Сыр-р-р.

– И не только сыр-р-р, – повернулся к ней Андреас. – У всех что-то есть в сумках, конечно. Но пусть не сочтут меня нескромным, если я замечу, что путешествие наше завершено, и просто сыр – да нет же, он тут будет неуместен, если окажется одиноким. Я говорю о еде, напомню я вам. Настоящей еде.

За две с лишним недели путешествия я уже понял, как выглядит Зои, когда она смеется, но не хочет этого показывать. Она сжимает губы и наклоняет голову влево и вниз, как будто видит за плечом что-то милое, типа лошади, тыкающейся носом ей в спину.

– Что же такое настоящая еда, на твой взгляд, дорогой Андреас? – поинтересовалась она.

– Я бы сказал, что это – мясо, – скромно, но твердо выговорил Андреас таким голосом, что нам всем стало стыдно. – Экзестон. Да, в общем, любая термина. Свинина с фригийской капустой, в горшке? Возможно. Настоящий монокифрон? Ну, это было бы слишком хорошо, хотя уместно. Скорее же какая-то козлятина, судя по тому, что пасется тут, на въезде в городок. Не знаю, какой сегодня день недели, – но мы пока что еще путешественники, и пост нам очень вреден. Завтра – что угодно. Оспорьте меня, впрочем, если желаете.

Андреас замолчал и развел руками. Анна в ответ яростно потрясла головой. Она была согласна. Она не собиралась спорить. Она вдобавок чувствовала, что за эту еду – если она и вправду возникнет перед нашими глазами – платить будут из общей кассы, а не каждый за себя. Она тоже жаждала мяса, это было очевидно при всей ее любви к сыру.

– Голод улучшает твой стиль, Андреас, – заметила Зои. Она поднялась с каменной скамьи и более чем обычно стала похожей на небольшую птицу с золотыми глазами. – Вот только солнце... Рынок уже в полдень, когда мы проезжали, выглядел маленьким и чахлым. А сейчас далеко не полдень. Что ж...

Зои двинулась туда, где пара местных жителей со стуком и скрипом устраивала нам конюшню – надо было всего-то сделать хорошие ворота. Бледно-бежевый шлейф накидки, извиваясь, подметал неровные каменные плиты.

Мой желудок деликатно сказал, что Андреас был прав. Пора было пробуждаться.

И, конечно, не только я ощутил себя здесь во сне, соскочив с коня. Куда мы попали?

Вот самые первые мгновения: плавно спускающиеся к югу холмы, поросшие старыми деревьями. И по холмам – выглядывающие из зелени розоватые и серые стены, колонны, пыльная черепица крыш среди ветвей. Но чаще – просто полуосыпавшиеся груды камней. Или дорога из темного булыжника, постепенно скрывающаяся среди травянистых бугорков, идущая в никуда. И полудикий виноград, везде этот виноград, его зеленые плети карабкаются вверх по старым колоннам, перепрыгивают на деревья, склонившиеся над бывшими крышами.

Город, которого больше нет.

А еще – неглубокая чаша из множества мраморных скамеек, веером расходящихся от каменного – да нет, уже травянистого, ставшего пастбищем для коз и овец – круга в середине. Здесь было то, что они называют словом «театр».

Зеленые холмы безлюдны на все стороны света, кроме северной. А вот на севере... Тут вверх взмывает довольно крутой холм, и на нем – город, который есть. Каменные стены – и не надо объяснять, откуда взялся камень, иногда даже обломки мрамора колонн: полуразрушенные дома перед нашими глазами рассказывают эту историю очень ясно. За стенами – крыши лепящихся друг к другу домов, свинец и черепица, и еще верхушки храмов, похожие на толстые крепостные башни. И зелень деревьев, пытающихся пробиться между крыш этих прижавшихся друг к другу строений.

Город, который есть, дрожал и плыл в золоте летней жары, он венчал холм над нашими головами, как корона ушедших царей Ирана. И было очень хорошо заметно, что разбегавшиеся отсюда, от увитых виноградом руин, дорожки и тропинки постепенно сливаются в одну довольно неплохую дорогу, которая вдруг поворачивает на холме влево. Так, чтобы последний ее участок человек проходил правым, незащищенным боком к этой стене, слепленной из множества старых и новых каменных клочков. А дальше была мощная башня над воротами.

– Это не полис, – сказал Аркадиус, строгий юноша с вьющимися темными волосами, стоявший на жаре, запрокинув голову.

– Да уж. Это кастра, – согласился с ним Прокопиус. – Или даже кастеллий.

Юноши – и Зои, и мы с Анной, и еще Даниэлида – разбрелись по руинам, прикасаясь к ветвям винограда, стараясь скрыться от солнца. Зеленые ящерицы убежали из-под наших ног. Кузнечики звенели среди подсыхавшей травы, замолкая, когда из-под крон деревьев звучали голоса:

– Эй, а где же был акрополь?

– Как это где, подними голову – там и был. И есть. Они там теперь живут.

– Посмотри, очаг сохранился, даже камень возле печки так и лежит...

– А это что за штука с полукругом колонн? Так, а ведь тут неплохие купола, почти целые... Прокопиус, где ты? Скажи.

– Баня, – подтвердил Прокопиус. – Настоящая. С проточной водой. Вода шла вот здесь и уходила в эти трубы... (Тут Прокопиус замолчал и двинулся шагом вдоль каких-то еле угадывавшихся каменных канавок.)

– Акведук давно разобрали, но в баню-то вода может приходиться совсем другим путем... – послышалось издали его бормотание.

– Омывались и праздновали, возлежали и веселились, – отчетливо выговорил еще не голодный в тот момент Андреас. Его друг, толстый и весьма насмешливый Никетас, одобрительно толкнул его локтем.

– Как это все называлось? Или называется? – послышался чей-то голос. – Зои ведь говорила...

– Это Кукуз, приехали, – раздалось среди руин, и ответом был дикий смех. Смеялась компания юношей помладше, они общались по большей части между собой – все одинаковые, со смазанными оливковым маслом волосами, живыми глазами, вечно голодные и, в целом, симпатичные: Феофанос, Эустафиос, Сергиос, Фотиус, даже Илиополит и прочие.

– К вашему сведению, подростки, – обратился к ним Никетас, сам немногим старше, – Кукуз, самый настоящий Кукуз, существует. Или – существовал. Но он сейчас у них. Как и Дамаск, Александрия, Антиохия... ну, вы знаете весь список. Но вот Кукуз – тот самый случай, когда мы должны им быть благодарны.

Юноши снова засмеялись, но не очень весело. Я подумал, что надо бы расспросить Анну насчет Кукуза – что это за место такое, назови его – и слышится общий смех.

– Это называлось – Юстиниана, – негромко сказал Аркадиус, рисовавший что-то веточкой на мраморной колонне. – И то, что на холме, так сейчас и называется. Мы в Юстиниане, друзья.

– Опять, – донесся голос из толпы подростков. И снова дикий смех. – Да сколько же их, проклятых?

– Штук двадцать было точно, – отвечал Никетас, который не ошибается в цифрах никогда. – Сейчас осталось ровно одиннадцать. И не надейтесь, Юстиниана Прима не здесь. Она как раз в противоположном направлении от Города. Она совсем не такая.

– А тут работали гончары, – прозвучал чей-то голос в отдалении. – Хороший был домик, и ведь мозаики...

При слове «мозаики» Аркадиус бросил веточку и пошел на голос.

«Чир, чир», – сказал злой голос коршуна из расплавленного металла в зените.

Тут мы с Анной вышли к амфитеатру и к Зои, одиноко сидящей на скамье. А дальше как раз и подошел Андреас, который жаждал мяса.

Но мяса ему – по крайней мере в этот вечер – не досталось. Зои, побеседовав с местными жителями, покончившими с воротами конюшни, подозвала нас всех быстрым кругообразным жестом руки и бросила в сторону Андреаса скорбный взгляд.

Новости были такие: здесь вам не Город, от рынка в это время почти уже ничего не осталось, чужие сюда не заезжают, поэтому не то что настоящего ксенодохиона – с достойной кухней – а и приличной винной капилии в этом Кукузе нет. Зато если проехать бодрой рысью два ущелья, сначала в одну сторону, а потом, обогнув некую скалу, практически в обратном направлении – то там будет...

– Да, но... – сказал загрустивший Андреас.

– Завтра никаких постов, – утешила его Зои. – Да и вообще, мы между одним успением и другим, не говоря о том, что мы, наверное, остаемся путешественниками, пока не вернемся в Город. Ты можешь поглощать мясо хоть каждый день, дорогой Андреас.

– О королева королев, песня песней, великолепии великолепий, город имперский, город укрепленный, город великих властителей! – повесил голову он. – Когда же я вернусь к тебе...

– Не скоро! – пихнул его Никетас. – То, что нас ждет, будет хотя бы горячим. А еще лошадам не помешал бы ячмень. Это там тоже есть, хотя и за небольшую денежку. Интересно, сколько это стоит в Юстиниане – накормить восемнадцать лошадей и мулов, а, я же забыл запасных...

Усталой рысью на северо-восток, по тому самому ущелью, в сыром полумраке под журчанье тонких ручейков, обогнуть каменный навес над головой – мы уже были тут сегодня утром, на этой развилке дорог-ущелий, на пути в Юстиниану. Там, на площадке наверху, стоит большое дерево, на ветвях трепещут выцветшие ленточки и платочки, Зои вяжет на ветку свой шарфик и шепчет что-то. От этого места – по другому ущелью, на юго-восток, с опаской поглядывая на солнце: да нет же, оно еще высоко. И – та самая, маленькая и чудесная долина на склоне гор, то самое слепленное вместе каменное сооружение. И, кстати, тот самый ясноглазый дедушка с метлой, который метет тут двор, видимо, всегда, с рассвета до заката.

– Как этот монастырь называется, не знаешь? – обреченно спрашивает Андреас у Аркадиуса.

– Ты не поверишь – но Космосотейра, – отвечает он.

Мяса, конечно же, здесь нет. Его здесь в любом случае нет совсем и никогда. А еще в эти огромные ворота не пускают, понятное дело, не то что женщин, но даже овец, коз и прочих животных женского пола. Так что для Зои, Анны и Даниэлиды (особенно для Даниэлиды!) ставят деревянный стол и скамьи перед воротами, против чего они, конечно, возражать не могут. Заминка возникает при виде Ясона, представителя «третьего пола», привратные монахи какое-то время мрачно рассматривают его нежно-зеленую тунику, браслеты на удлиненных

руках, бритую наголо голову, тонкие ироничные губы и все прочее – и приговаривают его к женской компании. А мы, все остальные, звеним сандалиями по пути в тот зал, где монахи кормят чужих: путников, убогих, кого угодно. Монахи едят отдельно.

Здесь – никаких деревянных столешниц. Мрамор, серый, полупрозрачный, чуть волнистый мрамор громадного стола, уходящего в полумрак зала. Оштукатуренные белым тяжелые своды над головой. Под этими сводами негромко звучит голос Аркадиуса, читающего молитву. Монахи несут большие тарелки и котлы, от которых – повезло! – идет пар: мы свалились на их головы довольно поздно, могли бы и не подогревать.

– Святой супчик, – слышится скорбный шепот Андреаса.

Я не первый раз в империи, и не впервые вынужден пользоваться гостеприимством таких мест, так что понимаю смысл его слов. В каких-то местах святой супчик состоит из капусты и воды, с брошенной туда зеленью. Но чаще это не капуста, а лук, и только в очень хороших монастырях лук поджаривается в оливковом масле, даже иногда с мукой. В основном же, как сейчас, просто лук, но зелени – сколько угодно, не считая зеленых блесток на поверхности (эти, видимо, произошли от медного котла, в котором супчик варился).

Сюда, конечно же, полагается хлеб в немалых количествах, обычно черствый, потому что все равно его будут ломать и крошить в суп, а как еще сделать суп пригодным к достойной вечерней еде. Чем вся наша компания и занимается в данный момент, сосредоточенно и молча (монахам за едой болтать и засматриваться в тарелку соседа не положено, и это правило как-то невольно влияет и на их гостей). Кстати, зелень здесь необычная и очень ароматная.

У меня были вечера и хуже, напоминаю себе я. Это тоже был суп, хотя и вроде бы мясной, но рядом были мучения, стоны и смерть десятков раненых воинов. Моих воинов, в том числе.

– Никогда больше, – бормочет Андреас, выходя тяжелым шагом из трапезной. Или это мне кажется, что он произносит именно эти слова.

Здесь надо заметить, что мир, язык которого ты не знаешь, это очень странный мир. В нем легче читать лица и следить за руками, особенно тех людей, от которых ты не ждешь ничего хорошего. Но все-таки не понимать их языка – это раздражает.

Мир, в котором я чувствую себя как дома, кончается у границ этой империи, хотя на больших рынках и ярмарках ее городов я всегда обнаруживал собратьев, с которыми мы договаривались неплохо. Но в целом я остаюсь здесь за невидимой стеной, из-за которой до меня доносятся все эти непонятные «франгои», «агапэ», «канавте» и более понятные, типа «ром-эос» и «Пропонтида».

А эта история... эта история, начавшаяся среди улиц погибшей Юстинианы, поет для меня двумя женскими голосами. Низкий и мягкий голос Анны, которая отправилась в путешествие в качестве моей личной переводчицы (два милисиария в день, а что вы хотите, если это чуть ли не единственный человек в империи, знающий, что такое согдийский язык). И звенящий, ломкий голос Зои, она – что неожиданно – говорит на прекрасном языке Ирана – не согдийский, но хотя бы близко. Когда-то в детстве, в моем Самарканде, я на спор начал учить иранский и выучил быстро и легко, вот только это грустная история, и мне не очень хочется ее вспоминать.

Анна и Зои, Зои и Анна – их нежными голосами до сих пор звучат для меня эти несколько недель, в которые уместились ужас, горечь, отчаяние, но, впрочем, и масса радости. Потому что таков наш мир, понимаете вы его язык или не очень, радость в нем есть всегда.

Вот ужин в монастыре позади. В городе, которого нет, без нас случились перемены. Караван осликов привез много медных кувшинов с мятыми боками – это вода. Солнце подкрашивает малиновым стены кастры над головами, а заодно лучи его пронзают облачка розовой пыли. Потому что другие ослики привезли метлы из свежих листьев, и подростки – Феофанос, Эустафиос, Сергиос и так далее – уже взялись за дело. И до нас, остальных, наконец, доходит, где мы будем жить.

– У меня будет целая вилла? – недоумевает Анна с метлой в руке.

Да, целая вилла рядом с моей, а если захотим – можем занять другие, побольше, и ничего, что потолки чаще всего обрушены, камни от них растащены, подняты в осликовых корзинах на гору над нами. Зато стены из листьев винограда – это совсем не плохо, фруктовые деревья над головой – еще лучше, а кувшины с водой – все, что оставалось для счастья, и вот они у нас тоже есть.

Конец веселой дороге через империю, мельканию городов: Никомедия – Никея – Анкира – потом, кажется, Амасейя – дальше Колонейя – и неожиданно поворот не к Требизонду, на север, а наоборот – на юг, к безлюдным ущельям. А в них – лес, вот чудо, после примелькавшихся уже голых вершин по сторонам дороги.

И все эти города по пути – побольше Юстинианы, но в сущности такие же: забытые виллы и заросшие травой улицы по холмам, а на самом большом из этих холмов – город поновее. За мощной стеной, с новыми башнями, но все-таки с форумом, колоннадами, портиками, толпой народа, караванами мулов и лошадей, запахом еды. Города, сгрудившиеся в уголках своей же бывшей – когда-то очень немаленькой – территории. Выжившие, выстоявшие.

А наша веселая команда резво несется от города к городу. Иногда переходит в галоп, и тут «подростки» начинают радостно и очень, очень слаженно орать: «Ромэос – нэ, нэ, нэ! Ромэос – нэ, нэ, нэ!» И еще что-то, посложнее, десятком звенящих голосов под дробь копыт, среди летящих одежд. «Мы – зеленые, зеленые, зеленые!» – доносится им в ответ от старших, из передовых рядов. «Зеленые – всегда впереди, синие – всегда глотают пыль!»

И дальше, дальше – что там впереди, Амасейя, Колонейя? Да просто дорога.

– Присядь к нам, наставник Маниах, – говорит мне Зои, опять забредшая в амфитеатр. – Твоя Анна приводит в порядок обе виллы или только свою?

– Ее работа – говорить со мной, а не подметать мою виллу... А у меня мечта – спать эту ночь на крыше. Плоские крыши под абрикосовыми деревьями, летом там прохладно, мы в Самарканде это очень любим делать. Андреас счастлив?

– Никетас дал ему что-то еще, вроде сушеных абрикосов, из своей сумки, он его постоянно подкармливает. Будем спать долго. А сейчас – такой хороший вечер. Так вот, – обращается она к сидящему рядом юноше, успевая скороговоркой переводить мне, – ты прав, Аркадиус, он сейчас выглядит так же. Только очень большой. Я там еще не была, но люди из логофесии дрома – сколько угодно. Грустная картина. Большое плоское пространство. Повалившиеся в траву колонны. Пасутся козы, овцы и кто там еще. По одну сторону этих руин – представь себе наш ипподром, только гораздо выше, огромный и полная развалина. Там обитают нищие уже постоянно. По другую сторону – холмы, на одном из них когда-то жили цезари и августусы, а сейчас – по этим холмам тоже люди живут, вообще-то, ставят свои кастеллии, как будто зубы торчат. Кто знает, как их называть, тех людей. Готы, вандалы, все подряд. В общем, там ничего нет. Это не город. Ты хочешь туда поехать?

Аркадиус сначала трясет темной головой. А потом задумывается.

– Но я не только для того привезла вас сюда, чтобы вы размышляли о том городе, – продолжает Зои. – Мне просто сказали, что здесь... Где находится парадисос, Аркадиус?

Аркадиус перестает следить взглядом за тропой, ведущей к нашим с Анной виллам, и недоуменно смотрит на нее.

– Парадисос? Ну, четыре реки... – говорит он. – Тигр и Евфрат, их называли чаще всего. И еще две – тут говорят что угодно. Вы хотите сказать, что они захватили еще и парадисос? Никогда не поверю...

– И очень правильно. Думаю, что это было бы слишком просто, дорогой Аркадиус. Но я не об этом. Тебе вряд ли закажут когда-нибудь лица бога и святых, ведь правда?

– Да уж, – горько отвечает Аркадиус.

– Но парадисос? Ведь это ты можешь сделать – фреска, мозаика? А как ты его изобразишь?

Аркадиус молчит, потом начинает озиаться по сторонам, и на лице его появляется улыбка.

– Фруктовые деревья, – говорит он. – Там нет ни холода, ни жары – как здесь.

И замолкает. А Зои начинает расстегивать кожаный футляр фляги, которую вертела все это время в маленьких руках. Я смотрю на появляющиеся из-под бурой кожи рисунки на серебре: башенки, верхушки деревьев...

– Я купила эту штуку год назад, – говорит Зои неодобрительно. – Простая работа. Но это – парадисос, или ремесленник так считает. Посмотрите, наставник Маниах и ты, Аркадиус: глухая стена, без ворот, а сад – за ней. Но эта фляга – еще пустяки, а вы послушайте этих вот, что они за ужас несут: сначала стена из железа, потом другая из бронзы, и только за ними парадисос, и еще стоит у входа херувим с пылающим мечом. Мы знаем, что живые вряд ли достигнут этих ворот, но не так же... А реки? Ведь сейчас эти безумцы говорят, что там текут реки огня. Что они творят с нами?

Аркадиус явно не хочет спорить. Вместо этого очень внимательно рассматривает флягу, чуть усмехается – наконец, поднимает глаза на Зои.

– Да-да, – говорит она. – Ты все правильно понял. Это новая фляга. Но у меня дома есть старые мозаики. Других времен. И там парадисос совсем другой. Там вообще нет стен. Да, эти четыре реки, наверное, не так просто найти и еще труднее пересечь. Но на старых мозаиках они не огненные. И сад – он на холмах, с холмов виден весь мир, парадисос открыт и безграничен. Вот я и хочу понять, что с нами стало. Они, – Зои кивает в сторону фигур прочих «зеленых» в отдалении, – этого и не заметят, наверное. Если им не показать, не дать сравнить. Но ты – ты должен знать, потому что ты многое можешь сделать. Твоя жизнь имеет значение, Аркадиус. Поэтому ты здесь.

– А в парадисосе должен быть змей, – вдруг говорит он.

До сих пор не понимаю, зачем он это тогда сказал – но сказал, это совершенно точно.

Аркадиус молчит, украдкой снова смотрит в сторону вилл, где помещаемся мы с Анной. Зои бросает взгляд на меня, потом подносит флягу к губам. Я пытаюсь вспомнить, что у меня там, в седельных сумках, запасено, слишком быстро я собирался в дорогу. А как хорошо бы сделать сейчас глоток черного вина из Требизонда.

Холмы окутываются синевой, только на розоватые стены кастры на вершине падают последние лучи. Среди деревьев звучат голоса и смех. Ах, куда ты заехал, среди каких рек потерялся, кто поможет тебе, бедный мой Маниах? Что делаешь ты здесь?

Темнота, я лежу под ветвями на крыше, среди деревьев звучат струны. А, это Даниэлида, это ее арфа запела в старом амфитеатре.

Мне снятся странные сны. В них звучит рев, сиплый, злобный рев зверя среди ночных деревьев, он наполняет ночь тревогой.

3. Но они существуют

Мне трудно сегодня вспомнить, кто произнес впервые это слово – дракон. Кажется, оно сначала прозвучало в шутку. Возможно... когда юнцы наутро собрались на остатках улицы? Но нет, они тогда всего лишь начали хихикать, рычать друг на друга, да, кажется, они устроили соревнование – кто страшнее заревет.

Вот так я понял, что тот звук в ночи был не сном. Если только здесь не снятся одинаковые сны нескольким людям одновременно.

Что ж, значит, мне предстояла в этот начавшийся день пара несущественных дел – разобратся в том, какой едой торгуют на местном рынке, например, – и одно дело чуть более существенное.

Узнать, что живет в местных лесах.

Я прошелся по бывшей главной улице.

Возле отлично сохранившегося полукруга колонн Прокопиус был занят чем-то интересным. Он с помощью палки и некоего толстого обрубка выворачивал из земли каменные плиты. Ему помогал Аркадиус, явно оставивший свои размышления о парадисосе. Подошел Никетас с выставленным вперед небольшим животиком, ткнул в Прокопиуса пальцем и произнес слово «технит» – как сообщила мне через некоторое время Анна, это означало человека, который работает руками, а не головой. У них завязался небольшой разговор, Никетас присел, начал писать палочкой на земле, потом, шевеля толстыми губами, стал считать монетки. После чего вся троица побрела вверх по холму, в город – или деревню, как угодно.

Я подозревал, что через короткое время там окажется вся наша компания и начнет отыгрываться за вчерашний «святой супчик». По крайней мере у меня были именно такие замыслы, да и проснулся с подобными мыслями.

Анна уже не спала, она встретила меня с пальцем, прижатым к губам. Заставила сесть рядом с собой в углу двора и замереть.

– Там, – сказала она страшным шепотом, показывая на каменную плиту, на которой были разложены хлебные крошки, штук пять, дорожкой, которая кончалась у ее ног.

Толстый серый грызун размером в мизинец, поняв, видимо, что наши шаги и шевеление позади, высунулся из щели между плит.

– Хомяк, – сказала ему покровительственно Анна.

Хомяк, или кто он там был, ничего не имел против согдийского языка. Первая крошка исчезла, и, волоча за собой хвостик, он серой мягкой каплей двинулся к следующей цели, поближе к ногам Анны. Долго шевелил носом, поглядывая на нас.

– Подумай о детях, – напомнила ему Анна. Он подумал, но вторую крошку сожрал все-таки сам. Потом замер и задумался всерьез.

– Я все-таки когда-нибудь заставлю его поверить в дружбу, – прошептала Анна, но хомяк явно не верил в дружбу, услышав шепот, он исчез среди камней в одно мгновение.

Мы пошли вверх по тропе среди мальв выше наших голов и кружащихся медовых пчел. Никетас с достоинством прошествовал нам навстречу, поприветствовал нас, а потом, ближе к вершине, возник снова, сзади, и обогнал – ведя под уздцы выючного мула из нашей конюшни.

Нырнув в пронизанный теплым ветром темный туннель под слепою из разных кладок башней, мы, конечно, оказались скорее в деревне, чем в городе. Тротуары с мозаикой, на которой танцевали бы голые забытые боги, здесь не виднелись даже в самом центре, у приземистого храма. Но одна главная, прямая улица, мощенная плитами, здесь была, от нее расходилось много тупиковых переулков, и там уже под ногами был мелкий камень, щебенка или галька. Впрочем, нам в переулках было нечего делать, мы с Анной внимательно изучали здеш-

ний рынок на горячей площади и делали запасы, увешивая руки мешочками и горшочками в соломенной оплетке. И – да, здесь была какая-то горячая еда и очень странный хлеб.

– Сыр-р-р, – удовлетворенно сообщила мне Анна у мраморного прилавка с углублениями и начала пробовать: серый ноздреватый, кремово-белый, сочащийся соком... Дегустация продолжилась у прочих прилавков. Торговцы иронически посматривали на меня и не выпускали из виду всю нашу прочую компанию. Да, тут, кажется, бродили все наши, кроме Зои (у нее для этих и иных целей был Ясон, вызывавший на рынке сложные чувства). И было очень ощутимо, что мы здесь чужие, люди из Города, в приталенных туниках с длинными рукавами, с закинутыми за левое плечо накидками. Здешние поселяне, несмотря на жару, не расставались с грубыми хитонами и плащами из шкур, зато ноги, по большей части, были босыми. И женщины, как я заметил, не очень-то старались закрывать лица.

Анна переместилась к овощным прилавкам, между которыми бродил десяток овец.

Самая видная из них уверенно тронулась к Анне, потряхивая грязными колтунами шерсти под животом, и вытянула вперед улыбающуюся губастую голову.

– Овца, – поприветствовала ее Анна и скормила бесплатную морковку с прилавка. Я понял, что продавцу пора дать монетку.

– Вон там, – прервал я овечью радость, показывая Анне на прилавок с краю. Там лежали луки, кинжалы, топоры и все прочее, необходимое весьма популярной здесь, наверное, профессии.

– Охотники. Ну конечно, – уважительно сказала Анна и завязала с продавцом разговор.

Итог его был ожидаемым. По этим горам скачет несколько видов диких козлов. По земле ползают очень неприятные змеи, включая одну совсем местную («в соседней долине таких нет») и еще одну, явно напоминающую ту, что живет в песках между Бухарой и Самаркандом. Вообще очень много змей. В небе летают орлы и их собратья. Еще – какой-то камышовый кот. Есть кабаны, и это очень опасно. А также шакалы и волки. И несколько медведей.

Да, торговец слышал странный звук ночью. Вся деревня, собственно, его слышала и обсуждает. И ни один здешний зверь такого рева издать бы не мог.

– Это что означает – что ревела эта тварь вчера впервые? И даже старики такого звука раньше не слышали?

Анна поняла задание и продолжила беседу. И потом кивнула мне.

И, кажется, сама мгновенно сообразила, что это весьма интересный факт. Стоило нашей компании появиться в этих лесах и горах, как... То ли дело, если бы весь рынок начал бы рассказывать нам про какого-нибудь знаменитого уже полвека зверя-убийцу, про обглоданные человеческие кости на узких тропах. Но, как ни странно, ничего подобного здесь не водилось – пока.

– У них очень странный язык, – сообщила Анна мне задумчиво. – Но в целом понятно. То есть ничего не понятно. Надо узнать, все ли из наших ночью были на месте.

Я с интересом посмотрел на нее. Неплохо для девушки, которой довольно далеко до двадцати.

Пообедала вся наша компания – каждая группка в своем углу рыночной площади – там же, снова и снова набрасываясь на прилавки. В шестом часу от восхода, то есть когда солнце оказалось как раз у нас над головой, мы обнаружили, что деревня пустеет и засыпает, многие начали укладываться прямо за прилавками.

Потом мы, так же группами, под сонными взглядами местных жителей, тронулись вниз. Никетас вел под уздцы мула, отгонявшего насекомых ушами и хвостом одновременно, на мула были нагружены какие-то кирки и прочие тяжелые инструменты, торговец провожал его взглядом мрачно – этот человек умеет торговаться, мысленно отметил я.

А внизу, среди развалин, мы поняли, что деревня все правильно понимает, и спать в такую жару – это разумно.

Но сначала Анна быстро и как-то удивительно грамотно выяснила, что, конечно, ночью все спали здесь – а где же им еще быть?

И к тому моменту никто – теперь я точно могу это вспомнить – не говорил еще ни про каких драконов.

А впервые это слово прозвучало...

Вечером, конечно. Начинался он неплохо: сначала я с удовольствием понаблюдал за тремя мокрыми женскими головами, высывавшимися из-за полотняной занавески во дворе. Каштановая – голова Анны, собственно, это ее радостное «а-а-а!» под плеск воды привлекло меня к ограде виллы Зои. Золотая и еле видная над полотном – голова хозяйки виллы. И угольно-черные волосы Даниэлиды. А над ними – голая, украшенная серьгами голова Ясона, мывшего, видимо по любезности Зои, всех трех.

Как я заметил, крики привлекли не только меня, в сторону полотна с надеждой посматривали из-за соседних оград, а группа подростков как бы случайно остановила свою предвечернюю прогулку на улице, приняв изящные позы.

Но заметила эту компанию и Даниэлида, и тут я в очередной раз понял, что такое знаменитый мим.

Она обняла длинной смуглой рукой ограду и сделала вид, что хочет дотянуться до висевшего на ней мягкого полотна. Застонала печально и выставила из-за края занавески круглый бок цвета недозрелой оливы. Юноши на улице замерли, делая вид, что обсуждают достоинства мудрецов древности – никогда не запомню эти имена.

– Ммм, – мучительно потрясла мокрыми волосами Даниэлида и еще подвинула крутое бедро в сторону улицы. Потом вздернула длинный, изящно загнутый нос и невинно захлопала ресницами. И сделала вид, что сейчас пригласит кого-то из юнцов помочь женщине в ее беде, но смущается, ах, как смущается.

Я в очередной раз понял, почему жрецы местного бога долго и безуспешно запрещали мимов, вплоть до наших дней, когда их запреты, да и вся репутация сильно ослабели.

Ясон, покосившись на нее, вышел из-за занавески почти голый, в одной лишь набедренной повязке, скрывавшей отсутствующие части тела, забрал полотно и, уже невидимый нам от груди и ниже, с почтением окутал плечи Даниэлиды, ее талию и, видимо, все прочее. Она благодарно откинула голову на его плечо – бугристое от мышц, очень крепкое, да и вообще было видно, что Ясон умеет не только втирать масло в вымытую женскую кожу. Хорошо ли он владеет оружием?

Тут я приказал себе остановиться. Не было пока, кроме странного звука в ночи, никаких оснований занимать голову ненужными мыслями.

Я сюда приехал, в конце концов, совсем по иному делу – и началось оно в этот же вечер, на вилле Зои, среди винограда, вьющегося по капителям покосившихся колонн, под фиговыми листьями – зелеными, большими, шерстистыми, как пятипалая лапа животного.

Сюда все собрались на ужин, из тех, куда каждый несет свою еду. Потом вяло пообсуждали, не перейти ли в амфитеатр, но тут Зои щелкнула пальцами, и Ясон вынес большой медный сосуд, от которого шел дымок. Мы начали добавлять кипящую там воду в вино, и перемещаться расхотелось.

И тогда зазвучали струны арфы Даниэлиды. И ее высокий, звенящий на пределе возможного голос, к которому иногда присоединялся почти такой же голос Ясона – будто плакал ребенок.

– Роза явила себя, о восхитительная, ее бутон начал раскрываться, – прошептала мне Анна, шмыгая носом. – Лилия, сладкая, выдвинулась вперед. Росистый лотос затанцевал с крокусами и гиацинтами. А прекрасный нарцисс извивался от желания. Ой, а тут еще чарующе улыбался сильфиум, зная, что им восхищаются. Вот.

Стало тихо, и раздалось шуршание золотистой шелковой накидки Зои – она набросила ее на плечо и задержала на нем небольшую руку, чуть выставив вперед лицо: конечно, птица, с загнутым хищным клювом и удивленными круглыми глазами.

– Наставник Маниах, – прозвучал ее высокий голос (а Анна, с тяжелым вздохом, устроилась поближе ко мне – ей предстояла долгая работа). – Мне пора сказать всем, почему я так просила вас присоединиться к нашей компании, предпринять это далекое путешествие. Дело в том, что мало кто из нас знает мир как он есть, целиком. Вы, мои дорогие дети, не знаете языков даже ближних стран...

На лицах вокруг появилось презрительное выражение. Учить языки дальних стран в этой империи не модно. Им хватает языка их давно умершего слепого поэта.

– И не любите выбираться из-за стен Города. Но мир существует – даже такая далекая его часть, как империя Чинь. Так вот, наставник Маниах – человек, который был в этой империи.

Честное слово, ей не поверил никто. Все тут хорошо знали, что хотя шелк, конечно же, факт, но империя Чинь, откуда он якобы произошел, – это сказки.

– Он был там трижды, – уточнила Зои. – Он знает ее язык.

И вот тут уже меня точно записали заранее в шарлатаны и сказочники.

– Видели ли вы коромысло? – начал я и понял, что теперь меня будут слушать, потому что обычный человек не станет так начинать нормальный, то есть долгий и нудный, рассказ про весь мир как он есть. – Две связки товара равного веса на длинном, очень длинном шесте. И плечи человека, который этим шестом балансирует. Вот так устроен наш мир. Две великие империи, расположенные так далеко друг от друга, что жители одной не верят в существование другой.

«Не верим», подтвердили мне глаза слушателей.

– И вы не одиноки в своем упорстве. Они тоже так думают, там, на противоположном конце мира. Но некоторые люди оттуда бывали здесь. Дайте-ка я вспомню дословно одну книгу, которую написали в империи Чинь не так уж давно, – сказал я и закрыл глаза. – Примерно так: страну эту называли раньше Да Цин, иногда – Си Хай го, то есть государство у западного моря. И есть у него еще десяток названий, но главное из них – Фулинь. Люди там почти так же красивы и хорошо сложены, как и жители Поднебесной империи. У них есть драгоценный камень, который сияет по ночам, вроде жемчужины, есть кораллы, амбра, зеленый камень, ковры, вышитые золотом, и много хорошего шелка. Они разводят ослов, мулов, верблюдов и шелковичного червя. Цвет их лиц – красный и белый. Мужчины носят простую одежду, а женщины – шелковую, с жемчугом. Любят вино. Искусны в любви. Узнаете, о ком это?

На лицах вокруг начало появляться понимание, но они все еще не верили: насчет любви – согласимся, кое-что умеем, но что значит – красные и белые лица? А я продолжал размеренным голосом:

– Зерна у них мало, ни растений, ни деревьев. Кормят лошадей сушеной рыбой. Сами питаются финиками.

Раздался смех.

– Там можно жениться на родственниках – варварский обычай – и им запрещено говорить во время еды. Когда мы были там, пишет неизвестный мне человек из империи Чинь, нам понравился фрукт, называемый ди-жи. Дерево достигает двух человеческих ростов, ветки и листья роскошны. Листья большие, с пятью выступающими частями. Приносит фрукты без цветов, красного цвета, созревают каждый месяц, по вкусу в точности как хурма. Мои дорогие друзья, догадайтесь, о каком фрукте говорит этот достойный путешественник.

Я не дал растерянным улыбкам расползтись по лицам – не глядя поднял руку (впрочем, до этого я успел проверить, где стою), нащупал среди зеленых пятипалых листьев такую же шершавую, как сами листья, каплевидную ягоду, не глядя сорвал ее. И предъявил аудитории.

Это, конечно, были не те люди, чтобы долго сидеть на месте. Вся компания, включая Анну, повскакивала на ноги, начала лишать фиговое дерево его плодов и задумчиво дегустировать. Свой фрукт я с поклоном отдал Зои. Анна не обиделась, она уже жевала, и весьма энергично.

– В точности как хурма... – это, или наверняка это, произнес чей-то голос. И все снова начали смеяться.

На этом, впрочем, мое наставничество только началось. Оно легким не было – здесь принято перебивать когда угодно. Мы попутно обсудили, например, как меня положено называть: «варварос» – это все-таки нелучший вариант, предпочтительнее «ксен». И еще Зои навела меня на очень уместный разговор – о названиях.

– Ну конечно, она не так называется, – снисходительно сказал ей я. – Империя Чинь – точнее, Цинь – существовала почти тысячу лет назад. Сейчас это империя Тан. Или, во все времена – просто Поднебесная империя. Хорошо, конечно, что здесь помнят о том, что было тысячу лет назад...

– Да, – сказала Зои, улыбаясь. – А как вы называли нашу империю, когда мы познакомились несколько недель назад, господин Маниах?

– Бизант, – улыбнулся я в ответ. – Мы в Самарканде ее называем именно так. А в Поднебесной – как я уже сказал, Фулинь.

На лицах выразилось недоумение. Впрочем, эти лица уже погружались в вечерний сумрак, и Ясон начал разносить наполненные маслом лампы-канделябры, ставя их по разным углам двора.

– Здесь не какой-то Бизант, здесь Рим, господин наставник, – вежливо напомнил мне Аркадиус.

Зои улыбалась загадочно и, как бы это сказать, непрерывно – кажется, когда она думала о чем-то своем, то приподнимала уголки губ и оставляла их в этом положении, просто чтобы лицо ее не выглядело печальным.

– Дорогие друзья, а как раньше назывался Великий Город? – подсказала она, не сбрасывая с лица улыбки.

– То есть как это – как назывался, – зазвучали голоса. И началась настоящая вакханалия, в основном поддержанная молодежью:

– Город был основан одиннадцатого мая триста тридцатого года. В понедельник. И он Бизантом не назывался. Он назывался – Город Константина.

– А сначала был сон прибывшего сюда с армией Константина Великого – матрона, сгибающаяся под тяжестью лет и болезней, превратилась в цветущую юную деву, которую он своими руками...

– Что своими руками?

Хохот.

– ...увешал знаками имперского величия, идиот!

– А еще орлов не забудьте. Первые из первых хотели построить город в Халкедоне, легли спать, положив инструменты, просыпаются – а нету. И тут – о! – вон они, все их инструменты, на западной стороне пролива, на полуострове между двумя морями. Орлы в клювах перенесли. Или в когтях. Там и построили новый Рим.

Они затихли, а Зои все так и улыбалась. Потом с еле слышным шуршанием пошевелилась, и повисла тишина.

– А что за город построил спартанец Павсаний, вы не помните? – негромко спросила Зои. Тишина продолжалась.

– А то, что на этом же полуострове был город и до Павсания, и построил его якобы некто Бизас, это вы не слышали? Ну да, это было давно. Дорогие дети, когда великий Константин впервые увидел наши холмы, городу на них, пусть небольшому, было более тысячи лет. На

улицах пусть говорят что угодно про орлов и деву с юным лицом, но вы должны знать, как было на самом деле. А некоторые народы это, как видим, хорошо помнят. Потому что торговали с нами много столетий.

Все завопили от восторга. «Амартия!» – вскричали двое юношей, обвиняюще уперев друг в друга указательные пальцы, и сами больше всех удивились.

Анна, кстати, перевела мне это слово с большим трудом, сбивчиво объясняя, что «амартия» – это, конечно, неграмотность, но не простая, а в высоком и духовном смысле.

– Вы что-то говорили о коромысле и двух тюках с товаром, господин наставник? – напомнил мне кто-то.

Плохо ли быть господином наставником? Чему я научу их, что им дам? Легко ли вести людей за собой? Я помню всех, кого всего-то два года назад хотел спасти от войны и вернуть домой. Был ли я им наставником? Не знаю. Они называли меня просто «сердар», или, кратко, «сер». И они верили мне. Но в живых остались немногие.

Стало темно, чуть колеблющийся свет ламп выхватывал из ночи прежде всего ноги, множество ног, перекрещенных ремешками сандалий, некоторые – с красновато светящимися волосками. Иногда руки, иногда – неясно – лица. А выше во тьме угадывалась руина: полукруг свода, начинающий закругляться – но кончающийся обломками кирпича, по краю часть черепичной крыши, под ней окно с решеткой, выше черная пустота – небо.

Что ж, насчет коромысла – это было просто. Поднебесная империя собирает налоги, среди прочего, шелком – простым крестьянским шелком, и не очень простым. Ей не нужен весь этот шелк. Но ей очень нужны лошади для армии и всего прочего и другие товары.

Шелк – второе золото и серебро нашего мира. Боевой конь, железо для меча, раб или рабыня – их цену легко пересчитать в штуки шелка, который с радостью берут везде: у кагана Великой степи, в Бухаре и Самарканде, Балхе, в долине Ганга. И берут здесь, в стране, до сих пор называемой именем города, которого все равно что нет, там только козы пасутся среди упавших колонн.

Мне недолго пришлось развеивать иллюзии, что их империя теперь уже сама производит свой шелк. Я напомнил им насчет сказочно богатых покупателей и перепродавцов метаксы – шелковой пряжи, и о том, откуда она берется. Так же как и откуда берется шелк, приходящий, как им казалось, из Дамаска. Три четверти продаваемого шелка приходят сюда из Поднебесной империи, которую они считают сказкой, притом что в самой империи так же относятся к ним самим. Три четверти. Эта цифра заставила их задуматься. Итак, две империи не желают знать друг о друге, но друг без друга существовать не смогли бы.

– Я не понимаю, – неприятным голосом сказал Никетас. – Этого не может быть. Сколько стоит шелк в Поднебесной империи?

Что ж, это было просто. Одна штука шелка – четыре дирхема, или четыре серебряных милисиария этой империи, что было абсолютно одно и то же. В Самарканде та же штука шелка стоит двадцать восемь дирхемов, или две маленькие золотые монеты – назовите ее как хотите, номисма, динар и так далее. А здесь, на противоположном конце мира, то, что было надето в момент нашего разговора на Зои (не придворный скарамангион, а простой шелк для прогулки где-нибудь по мраморным плитам Аугустейона у колоннады сената), стоило фунт золота, то есть...

– То есть... если одна военная кампания обходится по весу в тысячу сто фунтов золота... – проговорил Никетас и задумался.

На лицах вокруг появилось смущение – здесь мало кто воспринимал военные кампании в фунтах золота. Это лишало войну героизма.

– Но я так и не понимаю. А что это вы там говорили про человека, на чьих плечах лежит коромысло?

– Это мы, – сказал я. – Согд. Самарканд, Бухара, Фархана и так далее. Согд, середина мира. Мы поставляем в Поднебесную империю лошадей в обмен на шелк. Который везем сюда. Получаем золото. Все просто. Или было бы просто, если бы путь не занимал бы полгода и не проходил через... Сами знаете.

– Но даже и так вы очень богатый человек, господин наставник Маниах, – сказал неожиданно Никетас. – А что в таком случае вы делаете здесь, в этом Кукузе на краю империи?

Что ж, кто-то из них рано или поздно задал бы мне этот вопрос. На который у меня было готово множество ответов.

– А что мне делать со своим богатством? – дернул я левым плечом. – Лежать на ковре и пить вино? Это удовольствие можно получить и здесь. Даже интереснее.

Помог мне Андреас, выставивший из темноты длинные тощие конечности – у руки был выпячен указательный палец, направленный в сторону Никетаса.

– Мы все знаем, как хорошо ты разбираешься в деньгах, о мой друг. Один такой, о, вполне достойный человек был при втором Юстиниане. Слышал о евнухе Стефене Персидском, не расстававшемся с громадным хлыстом?

Тут три-четыре человека взглянули в сторону Ясона и быстро отвели глаза.

– Да, – продолжал Андреас. – Стефен, тот, который подвешивал неплательщиков над огнем и дымом и доводил их до обморока. Но потом его и всех прочих фискалов второго Юстиниана привязали за ноги к колесницам, протащили по Меси до форума Быка и там сожгли заживо. Это я просто так рассказал, не подумай плохого, о Никетас.

Смеялись все, даже Зои.

Пора было завершать вечер – о шелке и странах, через которые он проходит, я собирался рассказывать им еще завтра и послезавтра.

Я перевел дыхание – и ощутил в сумраке два облака аромата, один от Зои, тонкий и деликатный, и совсем другой оттуда, где сидела Даниэлида, – запах ночных цветов, от которого кружится голова.

Впрочем, вся компания к этому моменту пахла также вином и кое-чем другим. Чесноком и луком. Здешняя еда вообще изумляет нас, приезжих: чеснок и лук пожирается в любых количествах. Но это только сначала страшно. Потом это вкусно.

– Ваши империи похожи, – приступил к финальной стадии я, – и завтра-послезавтра я расскажу вам о том, что и там и там государством могут править только те, кто причастен к знаниям, и там и там только один человек может носить шелк императорского цвета, желтый в одной империи, пурпурный в другой. Да, друг о друге вы не знаете. Но вы похожи. И все же вы – разные. Дайте-ка я задам вам простой вопрос. Что такое время?

Тут Аркадиус, в основном до того молчавший, в восторге шлепнул себя ладонью по бедру – вот это вопрос! – и заработал строгий взгляд Зои: такие манеры выдают слишком простое происхождение.

– Время – это цифры, – покровительственно сказал Никетас. – Просто цифры. Они одни для всех. Год – это везде год, даже в империи Чинь, потому что солнце одно для всех империй.

– Да? – сказал я. – В таком случае какой сейчас год?

Никетас понял, что ему готовят ловушку, – но все-таки сообщил: семьсот пятьдесят второй.

– Со дня рождения пророка, которого казнили? – уточнил я.

Тут несколько человек попытались возмутиться и сказать, что пророк был одновременно и богом, и еще многое сказать, но Никетас успокоил их взмахом руки и скрипучим голосом добавил:

– Если хотите по-другому, то шесть тысяч двести сорок четвертый со дня Сотворения мира.

Люди, владеющие цифрами, все-таки раздражают. Мне, например, неприятно сознавать, что мира когда-то не было, но я продолжал:

– А что делать тем, у кого совсем другие боги и чей мир создан кем-то еще?

– То есть как это – кем-то еще... Да тут возможен только один ответ... – загудели голоса.

– Я к тому, что в империи Чинь сейчас совсем другой год, – остановил их я.

– Вы еще скажите, что у сарокинос сейчас всего-навсего сто тридцать четвертый год, – крикнул кто-то. – Они еще маленькие. Но уже успели столько натворить...

– А в империи Чинь сейчас десятый год Эры Небесной Драгоценности, – сказал я. – А до того двадцать девять лет была Эра Открытости, если я правильно перевожу. И другого счета лет они не знают. Но это не мешает им быть самой большой и сильной империей мира.

– Это что, они начинают считать время заново с каждым императором? – спросил Прокпиус.

– Хуже, – сказал я. – Это все тот же император. Просто он решил, что страна и мир изменились, и пора менять эпоху. И принял новый девиз своего правления.

– Отлично, – отозвался Андреас. – Хороший обычай, сомнений нет. Интересно, как бы он назвал наше время сейчас и здесь, в Риме.

– Эра победы при Акроиноне, – зазвучали голоса. – Эра возрожденной надежды. Или возрожденной гордости.

Андреас поднялся во весь свой долговязый рост и выставил одну тощую ногу вперед.

– И где теперь, о проклятые, – провозгласил он, – ваши сияющие ряды стрел, где мелодичные аккорды тетив? Где блеск ваших мечей и копий, ваши нагрудники и шлемы, кривые мечи и затемненные щиты? И где корабли, которые вздымались высоко, как кедровые гробы из Ливана?

– О, Андреас! О, удивительный! – завопили безжалостные подростки. «Мы – зеленые!» – пискнул вдобавок кто-то из темноты.

– Это не я, – скромно признался Андреас. Лицо его в свете лампы казалось особо изможденным – кто бы мог подумать, что только что он слопал немаленький горшок горячего мяса с чесноком, вычистив его с помощью круглого хлеба до блеска. И это не говоря о крупных золотистых оливках без счета, с боками, блестящими от масла. «Да-да, отомсти за вчерашнее, несчастный, пусть они там глодают пальцы в своем монастыре», – говорил ему при этом Никетас, скорбно качая головой и поглощая свой куда более скромный ужин. Но сейчас доброта его кончилась.

– А хоть бы и не ты, – немилосердно проговорил сейчас тот же Никетас. – Что это там было насчет кедровых гробов? Идея отличная – корабль, политый греческим огнем, таким образом мгновенно превращается в пылающий гроб. Что с военной точки зрения – факт. Было. И уже не раз. При нынешнем императоре – в Керамейской бухте. Мы живем в эпоху славы Акроинона и Керамея, это правда. Но ты же ритор, несчастный мой друг Андреас. Как ты это себе представляешь – гроб из Ливана плывет по волнам, вздымаясь при этом высоко? А кто его туда, в море, запустил и с какими целями?

– Ну, ты несправедлив как всегда, – поднял глаза к невидимому небу Андреас. – Это красивая строчка. А раз так, ей необязательно быть точной.

Никетас отвратительно усмехнулся в толстые щеки.

Тут Даниэлида устала слушать и лишила меня одного ученика. Подняв пальцы к вискам, она начала восхищенно рассматривать сидевшего рядом юношу, потом робко придвинулась к нему и застенчиво моргнула. Его соседи раскрыли от зависти рты.

В этот момент я поймал на себе смеющийся взгляд – это Зои, Зои с глазами светлого янтаря, она держит в руках две серебряные чаши с вином и говорит на языке Ирана:

– Тебе понравится вот это. Его, конечно, не надо разбавлять водой.

И окружающий мир исчезает, там сейчас говорят на незнакомом языке, из того мира раньше тянулась ниточка в виде голоса Анны – но сейчас ниточки нет, Анна сказала «р-р-р» в знак того, что устала.

Я беру кубок. Моя работа на сегодня закончена.

...А, вот сейчас я вспомнил, кто произнес это слово первым. Какой-то юнец, почти невидимый в темноте, потому я его и не запомнил.

– Господин наставник Маниах, – сказал он, когда все начали уже вставать, двигаться и заводить разговоры между собой. – А правда ли, что империя Чинь – место, где живут драконы? Если так, то расскажите нам, чего от них ожидать. Потому что тут какая-то тварь дико ревела прошлой ночью далеко в ущельях, и, кроме дракона, такой звук издавать точно некому.

– Молодой человек, – сказал ему Никетас, который сам был максимум лет на пять старше. – Дай господину наставнику выпить вина. Любой нормальный человек знает, что драконов не существует.

Я застыл с кубком, поднесенным к губам. Что я мог ответить им? Или промолчать, делая вид, что вино слишком великолепно для разговоров – да оно, судя по аромату, и правда было таким?

Или сказать то, о чем я действительно думал в этот момент?

«Но они существуют».

Никто в темном саду среди развалин не мог бы произнести этих слов с такой уверенностью. Потому что они не видели то, что видел я.

Сколько лет назад это было? Больше десяти.

Палевые пески, ветер, ветер, не устающий тянуть среди этих камней одну долгую букву «с».

Длинные тени вечера – ноги верблюдов косыми линиями через песок, трепещущие концы головной повязки Карзананджа.

– Вот здесь, сер Нанидат, – говорит Карзанандж, наш караван-баши. – Песок его так и не занес, я зря боялся.

Как лодка, длинная, недостроенная лодка: ребра. Светло-серые, похожие на камень. Утопающий в песке череп размером с бычий – но это не бык, это все-таки змей, вот зубы, зубы, их больше, чем у быка, коня, человека, любого другого животного. Передняя лапа: когти, кривые, в длину как десять пальцев, сложенных вместе. Задние лапы – кажется, очень толстые, судя по тому, что от них осталось. Крылья? Не видно, но кто знает, из чего они сделаны у драконов, из кожи?

– Они зовут его – Сюнгуанлун, – говорит Карзанандж. – Дракон-призрак. Или иногда его называют «шелковый дракон».

– Почему шелковый?

– Из-за нас, – пожимает плечами Карзанандж, показывая рукой на верблюжий выюк. – Из-за того, что мы везем тут, через проход в их бесконечной стене. И посмотрите – никто до сих пор не тронул ни одной косточки.

А ветер в песке все шипит, хочется успокоить его, напоить... кровью. Сейчас я капну темно-вишневой жидкостью на этот песок, еще капля, песок глотает все – но тут капли попадут на серые кости, они перестанут быть похожими на камень, потемнеют, нальются силой...

– Я здесь, – говорит мне внимательный Карзанандж. – Я не уйду. В первый раз все это ощущают, такова уж магия драконов. Но он так и лежит тут уже много лет.

Много лет? Судя по виду окаменевших костей – да хоть сто, а то и двести. Но он ведь был. Сколько живут драконы? Этот не так уж и велик, но какими они вырастают – может быть, тут детеныш? И если был один дракон, то, конечно же, до него был и другой, и еще один. А после него?

Горизонт неподвижен. На юг тянется цепочка верблюжьих следов, указывая нам обратный путь, а у горизонта она тает, съедается песком, превращается в воспоминание. Но наш караван там, и недалеко.

Они существуют.

Я смотрю туда, где недавно сидела Даниэлида с юношей. Этой пары на прежнем месте уже нет.

4. О лошадиниках и дохлых собаках

Вот теперь я уже не спал в момент, когда это случилось. И никто, наверное, не спал – мы только успели разойтись по виллам, во тьме еще перекликались кое-где сонные голоса среди черноты, под звездами.

Но в тот момент, когда рев все-таки раздался, было абсолютно тихо. Молчали птицы, не шумел даже ветер в вершинах.

Я не знаю, какой зверь мог бы издавать такой звук. Он, правда, доносился очень, очень издали, эхом, откуда-то с юго-востока, с дальних холмов. Хриплый, неживой, как бы влажный рев, недолгий. И сразу еще раз, и еще. А потом – тишина, и откуда-то поблизости, с улицы – тихое и озабоченное «Иесу Кристо». И еще какие-то голоса, тоже рядом, тоже человеческие, кто-то из наших.

Ночные птицы после долгого молчания снова начали отзываться друг другу.

Здесь страна дракона, подумал я, а не моя. Здесь совсем чужая страна, которая не хочет, чтобы мне было в ней спокойно и хорошо. Этой стране в лучшем случае нет до меня дела, я «ксен», который не понимает звуки в ее ночи и речи в ее полдень.

...Ее кожа пахла оливковым маслом и дешевым мылом, у нее были золотистые волосы на икрах, в других местах тела тоже много волос, и я не могу вспомнить ее лицо. Только нос, склоненный над вазами неровного серовато-лилового стекла, их используют здесь торговцы сладостями, насыпая в такие вазы лучший товар и выставляя его на край прилавка.

И еще я не мог с ней говорить, то есть, конечно, мы говорили – потом, но каждый на своем языке, смотрели друг на друга и смеялись. Дальше она пожимала плечами, как бы в недоумении от того, что сама творит, и начинала гладить мою спину – тогда еще без шрамов, потом клала мою руку на свое плечо и закрывала глаза. О чем было говорить, если мы и так понимали друг друга?

Снова брала мою руку – она вообще любила вытворять с ней что угодно, будто рука принадлежала ей, – и прижимала ее к тем самым, сейчас теплым и влажным, волосам внизу живота, потом сдвигала ноги и для верности накрывала мою руку своей.

Наше знакомство состоялось в весьма изысканном месте Города – в столичном Доме ламп, где давно никто не торговал лампами, просто здесь и вечером все сияло, масляные светильники, свечи... А торговали в Доме ламп очень модной и дерзкой одеждой, полупрозрачными шелками, которые женщины накидывали на лицо и всю фигуру, а потом – летом – старались оказаться в нужный момент спиной к свету, мелькнуть там, как соблазнительная тень.

Наш торговый дом поставил туда накануне – через посредников, конечно, напрямую это было запрещено – бледно-желтый шелк, вышитый золотом. Не представляю, знала ли она тогда, что мы в каком-то смысле собратья по ремеслу. Или приняла меня просто за прохожего, гуляку, покупателя. Наверное, у нее в тот первый наш день были другие заботы, потому что торговать в Доме ламп, с доской вместо прилавка, она явно не имела права. Как и много других таких же продавцов, до которых рано или поздно добирались люди из службы эпарха города и начинали вести неприятные разговоры.

А я тогда подошел, посмотрел в ее темно-синие глаза и купил ее вазу, потом глупо стоял с вазой в руках, наверное, было видно, что вообще-то мне нужна вовсе не эта стекляшка. Понятно же, не ваза нужна человеку... когда это было? Человеку двадцати восьми лет, который только что добежал вот до этого Города после четырех недель дороги, бежал от всего, что тогда случилось с ним на короткой, победоносной, но очень плохо кончившейся для него войне.

Вот тут в дальнем конце форума и показались неторопливые люди эпарха, она всунула мне под другую руку еще одну вазу, сама схватила две оставшиеся и обратилась вместе со мной в бегство.

Я дотащил эти вазы до самого ее дома, вверх по склону из щебенки между выступами эркеров на вторых этажах. Двенадцатый район – это у Элевферии, то есть порта Феодосия и одноименного форума, ничего особенного, но я ничего и не ждал. Внизу, почти в подвале, был эргастий, с тремя горнами, с паутиной по углам, стены закрыты плетеными соломенными щитами. У горнов спал какой-то старик, как я потом понял – ее отец, который плохо ходил, плохо видел и слышал, зато делал неплохое стекло.

– А-га, – тихонько и обреченно сказала она, глядя на спавшего. Поставила четыре вазы на прилавок, посмотрела на меня обвиняющим взглядом и вздохнула как бы в отчаянии. Потом пожала плечами, взяла за руку и повела наверх.

В следующий раз я принес ей розы, которые она долго рассматривала удивленными глазами, со смехом произнесла целую речь мне, ничего не понимавшему. Потом – еще через пару дней – показала мне два цветка, розу и анемону, в стеклянном стакане с водой, и опять сказала шепотом маленькую речь. И так же засмеялась.

У здешней страны, как потом объяснили мне люди из нашего торгового дома, существует язык цветов. Есть цветы любви, и немало, потому что у любви много очертаний и оттенков. Но роза – тут совсем другое дело, это цветок империи и императора, особенно если она – оттенков пурпура. Их тут тысячи, этих роз, особенно по утрам на любом форуме, а еще они означают радостную новость – но только если белые и роскошные: и новости он получал, как розы... А вот сравнить розу и анемону – значит напомнить о том, какими разными рождаются люди. Принц – конечно, принц, кто же еще – из далекой да попросту сказочной страны, которую она почему-то упорно называла «Индией», и девушка, торгующая стеклом у прилавка в Доме ламп, где она не заплатила за место.

Наверное, этого нельзя было делать – но в следующий раз я достал пригоршню монет и начал забавы ради со звоном сыпать их в очередную вазу. Тяжелые милисиарии с портретом императора Ираклиоса, с длинной бородкой и огромными закрученными к ушам усами. И несколько почти невесомых золотых номисм, которые я тогда упорно называл «денариями». Что еще можно дать женщине, которая даже не может с тобой говорить?

Не знаю, видела ли она когда-нибудь столько денег сразу. Три номисмы в месяц означают безбедную жизнь. И, конечно, повозмущавшись, она взяла их. А я как раз размышлял в тот день, зачем мне столько денег и зачем вообще я здесь, в этом городе, с этой девушкой, которая говорит, говорит о чем-то, а потом просто набрасывается на меня, хватая мои руки и показывает, что они должны делать. Гладить и гладить ее грудь, осторожно, невесомо, но без перерыва, пока она не начнет стонать и обнимать меня ногами.

Ну и вот сейчас, в этот приезд – мне уже совсем не двадцать восемь лет, я сижу у входа в капилю и держу в двух руках чашу вина с горячей водой. А напротив сидит человек чудовищного вида, с волосами до плеч и бородой, спутавшимися в сплошной колтун. Какая удивительная сцена: глупый ксен, да, в общем-то, варварос, угощает вином святого человека. И не какого-то, а самого Феофаноса Сирийца. А тот, удостоверившись, что нас никто не может слышать (хотя многие пытаются), говорит, почти не разжимая губ:

– Я сделал что мог, господин Маниах. Ничем не обрадую. Не осталось в живых ни одного человека на всей улице. Она тоже умерла, и ее отец. Могилы нет. Это было для вас важно?

– Нет, нет, – качаю я головой. – Важно? Нет.

Это была чума, пять лет назад. Она шла с Сицилии вместе с товарами и кораблями. Какие уж там могилы. Сначала копали рвы на опустевших полях, виноградниках и садах внутри городских стен. Потом взялись за старые высохшие цистерны, и только тогда места для мертвых хватило. Говорили шепотом не о том, сколько умерло, а о том, сколько осталось, – это

был самый страшный из всех секретов. Официально – только полмиллиона, то есть половина города. Но совсем тихо вам могли сказать, что осталось не триста, даже не двести тысяч, а как бы не сорок – пятьдесят.

Но чума все-таки насытилась и ушла.

Потом император, молодой лев, воин и победитель, начал переселять в Город всех, кто соглашался и не соглашался. Он выдержал и чуму, и в каком-то смысле снова победил. На форумах опять зазвучали струны и флейты. Но теперь это уже не мой город. Никто мне здесь не покажет жестами, что к девушке в гости надо приходить с гранатом, не покажет и то, что следует делать с его соком, – она, кажется, со мной забывала всякий стыд, этим я ей и нравился, у меня ведь другой бог, со мной было можно все.

Да, чуть не забыл сказать – ее звали Иоаннина. И я действительно совершенно не помню ее лицо.

– Нет, мой друг, – повторил я. – Это неважно. Это просто жаль. Ладно, скажи-ка мне, не ты ли таскал за собой вчера на веревке дохлую собаку по пыли? По-моему, ты увлекаешься. Какая в собаке святость?

– А какая святость в том, чтобы справлять нужду прямо среди толпы? – пожал плечами Феофанос. – Но ведь другие, такие же как я, это делают. И у них после этого слушают каждое слово. Записывают. Собака – ну да, было, это как-то запоминается. И это лучше, чем ходить по форуму просто голым и с фальшивыми язвами, или тушить свечи в храме, или орать...

– Кстати, что ты там, на форуме, орал страшным голосом только что? Что такое Каваллин? Или кто такой? Имя демона, судя по твоему голосу? Который несет всем конец света?

– Каваллин, – потряс он свалывшимися волосами, – это совсем просто. Это означает «лошадник». Ну, насчет демона – да, в каком-то смысле. «Проклятый Каваллин, вместилище всех грехов...» – и так далее. Ну да, я хорошо поорал о нем с утра, но давайте-ка я вам расскажу кое-что посерьезнее. Есть еще одно странное убийство...

И тут разговор наш ушел к совсем другим делам, сегодняшним. Мы купили себе к вину жареных колбасок, от которых здесь никуда не деться, ими торгуют везде. И неясное лицо Иоаннины уплыло куда-то в прошлое.

А настоящее – вот оно. Жуткие звуки в ночи на краю империи.

Анна, нервно борясь с накидкой, выдала мне план действий, которому я удивился. Как же это просто – оказывается, в каждой деревне есть такая женщина, нравится это жрецам или нет. Если что-то такое, загадочное, существует, то она знает.

У увитой виноградом каменной стены прыгали в воздухе маленькие бордовые бабочки, паслась черная желтоглазая коза, но Анна, к моему удивлению, общаться с ней не стала, только наскоро потрепала по жесткой шерсти на лбу.

– Кто там скрылся в переулке? – рассеянно спросила она меня.

Женскую фигуру в наброшенной на лицо накидке я тоже видел, мелькнула в конце улицы, и походка мне показалась знакомой, но я попросту не стал тратить времени на размышления.

– Понятно, что она здесь, – сказала Анна. – Травки сушатся.

Но нам от этой женщины нужны были не травки. Анна, особо не спрашивая разрешения, взяла допрос на себя. А мне досталась привилегия извлечь и положить на стол пару милисиариев и внимательно следить за лицом хозяйки дома. И ее руками. Эту на удивление тощую женщину с черными усиками над губой что-то действительно беспокоило, понял я. Ее чуть кривые пальцы иногда нервно дергались, потом сплетались в узел. Ей не очень хотелось говорить. Да мы попросту ее раздражали, но деньги были положены на стол и взяты, и раз так...

А Анна тем временем забыла о своей главной работе – она перестала мне переводить, они с обладательницей усиков перешли на шепот, склонившись друг к другу. Потом мы встали

и вышли, но тут Анна подняла палец, оставила меня в саду и вернулась в дом, появилась снова довольно скоро.

– Ух, – сказала она у каменной стены с бабочками, на улице. – Значит, так. Все как-то невесело, между прочим. Дракон есть. Быстро на рынок, поесть. То есть, извините, сер. Прошу вас. Девушке срочно нужен сыр и пара огурчиков для подкрепления угасших сил. Ну и местечко здесь, оказывается.

Дракон, как выяснилось, тут обитал лишь в известном смысле. Дерево, громадное старое дерево, на ветки которого старые женщины вязали ленточки или клочки ткани (а мужчины это занятие презирали), – это дерево росло, оказывается, у пещеры, очень старой.

Зои, вспомнил я. Она отдала дереву у пещеры свой шарфик, тонкий, легкий как воздух.

Женщины не просто вяжут свои шарфики и ленточки на ветки. Они, понимаете ли, просят о чем-то давнего обитателя пещеры. Которого, правда, никто из сегодняшних жителей деревни никогда не видел, но...

Не давать соседу огня после заката, прислушиваться к крикам птиц и угадывать смысл этих криков, считать бормотание святых безумцев пророчествами – все это было в империи более чем нормальным делом, а что касается безумцев, так у нашего торгового дома их было целых два, Феофанос и еще Эустафиос, не такой эффектный, зато терроризировавший ювелиров криками «пыль и труха, вот они, ваши товары!». И соскребать краску с изображений бога, пока изображения не запретили, размешивать этот порошок в воде и пить как лекарство – это в империи тоже было.

А еще – дракон. Поселился здесь давно, очень давно. Это была не просто пещера, сказала мне Анна, озабоченно качая головой, а та самая, Корицианская пещера, где живет Тифон или жил. А Тифон – это большой змей. Как сказала худая усатая женщина, еще его зовут Мерсин, но имен у него много и помимо этих.

Он и его собратья вызывают трясение земли, в последний раз это было, когда Великий Город умирал от чумы. Сейчас земля не трясется, но рев с холма слышали многие, и никому это не понравилось. В то, что это и есть Корицианская пещера, та самая, народ не очень-то и верил, но когда уже вторую ночь творится такое...

И это не все. Большие змеи, драконы – это вообще-то демоны. Что известно любому, кто хоть как-то разбирается в амулетах и странных картинках, которые в империи продаются на каждом углу, от болезней, сглаза и всего прочего. Да это и без амулетов всем известно, ведь кто такой был тот самый змей, что соблазнил первых людей в парадисосе меж четырех рек, в конце концов?

Тут Анна взглянула на мое лицо, остановилась, задумалась, но от мысли рассказать мне все про первых людей на Земле, видимо, отказалась, а я не настаивал.

Разговор был и о том, что в здешних холмах и ущельях слишком много обычных змей, лесных, не смертельных, и это местным жителям привычно, но сейчас наводит на мысли. И о том, что демоны и бани как-то связаны, мелкие демоны в виде змеев якобы селятся тут глубоко под полом бань. Но их можно заговорить, многие пытались раньше этим воспользоваться, повелевать ими. Далее, этот дракон – особенный. Мужчины его не интересуют. С ним имеют дело по большей части женщины. Хотя, когда они это делали в последний раз – никто не помнит.

– В общем, вот так, – сказала Анна. – Фариакеш. Это значит – колдовство.

Мы пристроились сбоку рынка, Анна нашла для обоих вкусный суп из свиных ножек с зеленью, а я уже привык к тому, что плохую еду она не выберет. Тут подошел Прокопиус, с извиняющимся лицом, что-то вежливо сказал. Анна перевела.

А вот это было уже посерьезнее, чем демоны, живущие в банях. Или как там его зовут, Тифон, или Мерсин, или загадочный Лошадник – Каваллин.

Пропал человек. Охотник, знающий здешние горы с детства. Еще вчера пропал, но и сегодня утром он не вернулся. Об этом говорят по всему рынку. И не очень хорошо смотрят на нас, пришельцев, после приезда которых начали происходить странные вещи.

– А еще кусочек сыра, – сказала Анна. – Мне он обещан бесплатно.

– Знаешь ли, дорогая деточка, – раздражился я, – сыр бывает вреден. Особенно когда он мешает спуститься в деревню и предупредить всю зеленую команду, что не надо поодиночке заезжать в лес без серьезных причин. Не из-за драконов, возможно, но все-таки.

– У, – сказала Анна. – Конец девическим мечтам. Сыра не будет. У.

И посмотрела на меня с упреком. А я подумал, что ее лицо... Странно, но это лицо, обычное лицо умной, талантливой девочки... Или не такой уж обычной? Она ведь могла бы быть красивой, эта Анна, если бы украсила волосы белыми цветами или завернулась во что-то синее... И в этом лице есть такое, от чего я...

Успокаиваюсь, как ни странно.

Но я беспощадно оторвал ее от сыра и погнал вниз по дороге, к виллам среди холмов.

Я мрачно шел за ней и думал... или сейчас мне просто казалось, что та женщина, чьи очертания мелькнули в переулке, когда мы шли к колдунье, что та женщина... была, кажется, Даниэлида.

А внизу, среди вилл, происходили замечательные вещи. Ближе всего к месту действия расположился Никетас, с многочисленными горшочками возле ног, но их никто не замечал, потому что дела подходили к завершению. Никетас ждал терпеливо и к обеду не приступал, критически посматривая на своих собратьев.

А они, то есть Прокопиус и Аркадиус, раздевшиеся до набедренных повязок, орудовали теми самыми тяжелыми инструментами, которые накануне Никетас привез на муле: кирками и еще чем-то. Плиты, вывороченные ранее с корнем, они вернули на место, вычистив из-под них массу веточек и прочего мусора, и сейчас уже, собственно, складывали инструменты. А еще было расчищено от каменных обломков когда-то большое помещение со скамьями, теперь открытое небу, сзади которого было еще одно такое же – или несколько, под нетронутыми куполами.

Люди этой империи, может быть, и «ромэос», но таковыми могут стать в любой момент все. Даже я могу, стоит только пойти в местный храм и поклониться их невидимому ныне богу. Но при этом больше половины здешних жителей – это народ эллинов, и очень привлекательный народ, судя вот хоть по этой паре – Прокопиусу и Аркадиусу. Их завитые волосы прилипли к головам, оба были покрасневшими и мокрыми, а заодно, кажется, тела их блестели от масла. Плечи были широки, каждая мышца как будто выточена резцом. Отличные ребята.

Анна посмотрела на этих двоих – сначала критически, но потом явно заинтересовалась.

Даниэлида заинтересовалась еще больше. Она сначала в неземном восторге указала на них рукой, вытянутой вперед. Далее изобразила смущение, несколько раз отворачиваясь и посматривая на красавцев украдкой. Потом начала сосать палец и стрелять глазами. Наконец, прижала обе руки к паху и стала извиваться и жалобно стонать, погибая от желания.

Тут Прокопиус, старавшийся не замечать Даниэлиду, кратко сказал что-то Аркадиусу, а сам с киркой в руке легкими прыжками понесся вверх по склону.

Собравшиеся (а тут уже были почти все, кроме Зои и Ясона) заволновались. Сверху донесся натужный вопль, удары по камню, какое-то время ровно ничего не происходило.

А потом по канавкам побежала вода. Сначала неуверенно и тонкой беззвучной струйкой, затем одна струя разделилась и пошла, отблескивая на солнце, по каким-то непонятным, но явно только что расчищенным руслам, вдоль улицы, мимо вилл. Две струйки одновременно окружили, взяли в кольцо развалины среди хорошо сохранившихся колонн. Еще две проникли внутрь, между этих колонн, соскользнули вниз, в обширное углубление.

– Четыре реки, – сказал Аркадиус, с изумлением наблюдавший за бегом воды, а Анна с волнением перевела.

Босой Прокопиус, уже без кирки, оказывается, вернулся и с усилием двигал туда-сюда обеими руками какой-то камень у мраморной чаши.

– Раньше отсюда текла горячая вода, – сказал он. И наклонился к каменному крану – он, конечно, был мертв и сух. – Ну неважно. Туф и мрамор сохранились отлично, их надо просто помыть, – продолжал он. – Но теперь, когда воды сколько угодно, – это совсем не трудно. Тамошние жители, которые наверху, теперь пользуются колодцами, а это все уходило разве что на поля. Но я поговорил со знающими людьми, с водой не будет никаких проблем, она просто пройдет здесь, а потом...

Дальше последовало множество подробностей и всеобщее их обсуждение. Заговорили и про главное: печи, огонь.

– Сухих веток везде валяется сколько угодно, – сказал чей-то голос из толпы, потом зазвучало много голосов сразу, и Анна отчаялась их всех перевести. Зато она подняла высохшую до белизны ветку у каменной ограды и с поклоном возложила ее к ногам голого широкоплечего Аркадиуса.

Тот бессильно опустил руки и уставился на Анну, глаза его страдали.

Раздались счастливые вопли, молодежь начала освобождать от веток соседние развалины и складировать их поближе к Аркадиусу.

Зои в полосатой накидке, розовой с зеленью, возникла на каменных плитах, Ясон молча следовал за ней в белоснежных одеждах, наброшенных на голову непонятным образом – не мужчина, не женщина, а странная светлая фигура на голову выше прочих.

Зои, мелькая сандалиями, медленно двигалась среди колонн, иногда глядя их рукой. Потом подошла к мраморной чаше, коснулась ее края – и стало тихо.

Из тяжелого гранитного крана, оказывается, уже некоторое время беззвучно шла вода. Везде пахло свежестью и мокрым камнем.

5. Зеленые и синие

Это не могло не произойти: появились военные.

Я представления не имел еще в этот момент, какой зверь ревет среди холмов по ночам, что делала Даниэлида на той улице, где живет местная колдунья (или это все-таки была не Даниэлида). Или – как получилось, что Прокопиус и Аркадиус возродили из руин баню в тот самый день, когда выяснилось, что под каменными плитами бань в этой стране обитают демоны-змеи, или драконы, или еще нечто подобное... Я не знал даже, стоит ли вообще что-то выяснять, может быть, передо мной всего лишь несколько совпадений.

Но военные были уже здесь.

Я рассматривал их издалека. Передо мной, конечно, были ополченцы местной фемы, то есть округа, об этом говорили их лица – тяжелые носы, черные глаза, сильные подбородки, все то, что мы видим в городке на вершине холма. Ничего похожего на светлые волосы и тонкие прямые носы обитателей Города, в двух неделях пути отсюда. А еще вооружение... Это было интересно.

Конечно, никто просто так, если только битва не начинается прямо сейчас, не будет таскать на плечах и голове гремящее железо, да еще в жару на исходе лета. Я помню весь этот груз, пригибающий к седлу, который так и не спас меня от раны, чуть не оказавшейся смертельной. Но что у нас тут? Длинные, скрученные в трубку свертки у седла каждого из трех коней – очень похоже, что внутри если не сплошная кольчатая броня (невиданная роскошь), то что-то вроде кожано-войлочной кирасы, похожей на ошупь на упругую подушку. А возможно, и наколенники, неудобные при ходьбе, из полосок дерева и металла, но весьма нужные в конном бою.

Я давно уже знал, что при нынешнем императоре многое изменилось, мечи стали такими, как у сероглазого воина Юкука, человека из моего недавнего прошлого: чуть изогнутыми, узкими, очень длинными. Ничуть не хуже мечей народа арабийя, называемого здесь смешным словом «саракинос». И вот они, мечи, приторочены к седлам рядом с броней. Деревянный колчан на тридцать стрел, длинных и «мышей», с кармашком для нескольких запасных тетив. Лук в чехле, похожий на длинную палку. Вроде бы все. Но более чем достаточно.

И еще эти ополченцы были отлично одеты. Войлочные серые плащи с широкими рукавами, мягкие туники до колена, сандалии с чулком, с завязками на икрах – все новенькое, удобное. А главное – эти люди... не выглядели неловкими, что ли. Одежда была им привычна, глаза спокойны. Да и кони, хотя далеко не великолепные, были в прекрасной форме, не слишком молоды и не слишком стары. Ноги и живот, конечно, были в пыли, но вот этот бок у седла, с нервно подрагивающей кожей, утром был явно вычищен и сейчас отсвечивал здоровым блеском.

Эту империю уничтожали несколько десятилетий подряд, лишили ее зерна Александрии, мудрости Дамаска и Иерусалима и еще многого другого. Но то, что время поражений позади, можно было понять, просто глядя на трех солдат, которых я сейчас наблюдал.

Один из них, впрочем, офицер – хотя бы потому, что мог позволить себе пусть не очень длинную, но все же бороду. Ну конечно офицер – вот Зои лениво наклоняет голову, приглашая его во двор своей виллы, а солдаты остаются с конями на улице, и даже снимают уздечки, давая животным пощипать травку.

И о чем он, интересно, говорит?

Вот Зои произносит что-то негромко и делает небольшую паузу – достаточно длинную, чтобы понять: она не беспокоится, офицер будет ее слушать, не перебивая.

Вот он неловко оглядывается и довольно робко садится серой неуклюжей тенью среди пятен ослепительного солнечного света меж листьев на каменную скамью рядом с Зои, которая устраивается поудобнее, чуть ли не полулежа.

Вот офицер начинает показывать рукой на окрестные холмы и дороги, говорит, рубит воздух ладонью. Зои молчит, потом благосклонно наклоняет золотую голову. Нет, она ни о чем его не просит. Скорее уж наоборот.

Оба серьезные, но тревоги на их лицах нет. Ясон выносит чаши с какими-то напитками, офицер благодарно улыбается, а потом поднимает глаза и с оторопью смотрит на Ясона. Таких он еще не видел.

Удастся ли узнать, зачем эта троица приехала? Наверное, нет, а раз так – не надо и спрашивать. Но не следует забывать, что еще раньше тут утром побывали два важных на вид обитателя городка, вроде как обеспокоенные, с ними Зои разговаривала стоя у входа, и недолго. Что-то происходит. Пропал человек, это понятно – а что еще?

И я иду к Чиру, испытывая стыд, что давно не посещал его. Из городка к нам каждый день приходят конюхи, но со своим конем надо общаться каждый день. Коня надо касаться рукой, иначе нельзя.

Круг по холмам среди вилл и деревьев неспешной рысью, несколько вкусных веточек, потом прогулка шагом, никто никуда не спешит. Есть о чем подумать.

– А знаешь ли, друг мой Чир, – говорю я, заводя его обратно в конюшню, – хотя ничего еще, в сущности, не произошло, но что-то мне говорит: оно произойдет. И скоро. А поэтому давай, пока есть время, начнем разбираться с самого начала. Как и почему мы с тобой оказались именно здесь, а не где-то еще. Как они здесь оказались. И кто они такие, эти самые «зеленые».

– Он не скажет, сер Нанидат, – отвечает мне девичий голос из дальнего темного угла, там, где помещаются мулы. – Он и про «синих» тоже ничего не знает. Если только он не дружил с кобылами из их конюшен. Говорят, конюшни отличные у тех и других.

Тут я чуть не выругался: нельзя поговорить с конем на родном языке. Именно в этот момент под боком оказывается единственный на сотни фарсангов кругом человек, который этот язык знает.

– Анна, – сказал я. – В следующий раз я позволю тебе прокатиться на этом черном безобразнике по здешним холмам. И еще посмотрим, как вы понравитесь друг другу. А раз уж ты слышала, что я кое-чем обеспокоен, то придется втянуть и тебя в наш с Чиром разговор.

– А тут все обеспокоены, хотя не знают, чем, – заметила она, поворачиваясь к выходу.

Чир стукнул пару раз копытом, выклянчивая угощение.

Морковка у меня, конечно, была. У Анны, понятное дело, тоже. Она ее сама постоянно грызла.

– В таких случаях, – тоном господина наставника начал я, – надо уметь задавать простые вопросы. Итак, «зеленые». Что мы о них знаем?

Это, конечно, был совсем простой вопрос.

Сердце Великого Города – вовсе не императорский дворец. Это ипподром. Громадное, необъяснимо громадное сооружение, чаша из каменных скамеек, колонны, статуи, обелиски, ряды окон – целый город в городе.

Это сердце начинало бешено биться, когда из четырех мраморных ворот плавно выезжали четыре колесницы. И мощная каменная чаша вздыхала – или ревела? – так, что слышно было даже у стен Феодосия.

Не знаю, как жители этой империи относились к прежним, ушедшим богам. Если вполнину с таким же восторгом, как к четырем колесничим, то боги, наверное, были когда-то счастливы.

Их четверо, в летящих плащах зеленого, синего, красного и белого цветов. И за каждым стоят сотни людей. Ипподром – такое же сложное предприятие, как моя торговля шелком: тысячи и тысячи золотых монет, кони и конюшни, люди, звери, музыкальные инструменты, сама музыка, хор приветственных криков. И всем этим руководят люди, почти такие же важные для Города, как и сами колесничие.

Когда-то жители всего Города делились – с большим или меньшим энтузиазмом – на зеленых, синих, красных и белых. Сегодня почему-то остались лишь первые две... они называются здесь «демы». Два демарха, мужчины эффектной внешности с тщательно завитыми бородами, очень даже заметные на каждой дворцовой церемонии. Движению их мизинца подчиняются отлично обученные толпы людей, вопящих хором приветствия – причем непременно пятнадцатисложные, что бы это ни значило. Они славят колесничих – но славят и императора, хором на четыре голоса, из-за занавесок на балконах.

А еще на трибунах звучат хоры евнухов, золотые и серебряные органы, кастаньеты, лиры. И организуют это тоже люди из двух дем.

Перед забегами колесниц на плоскости арены должны еще быть гимнастика, атлетика, бокс, дикие животные, танцы и пение. За это тоже отвечают демы.

И пантомима, любимая всеми и ненавидимая жрецами бога, с мимами обоего пола, которых за распущенность постоянно пытаются не пустить на сам ипподром; зато мимов, с их более чем откровенными выступлениями, приглашают в какие угодно дома и платят им какие угодно деньги. А ведь это тоже, в общем-то, демы.

Что не все знают и не все видят – перед гонками заседают штабы демонов, они находятся возле стойл. Потому что демы отвечают и за то, чтобы избежать драк после гонок, которые кто-то ведь проиграет и огорчится. А раз так, то у демонов есть и оружие.

Все это значило, что демы могли быть опасны. Ведь синие и зеленые действовали если не по всей стране, то в тех нескольких крупных городах, где имелись ипподромы.

Это было при первом, великом Юстиниане, два с лишним века назад. Тогда дела шли все хуже, поскольку демы не просто поддерживали разных колесничих – они дрались между собой, они организовывали банды убийц, и город поделился на «синие» и «зеленые» кварталы. А совсем плохо стало, когда Юстиниан поместил в тюрьму обоих демархов. И демы объединились.

Трудно сказать, почему в те дни им хотелось именно пожаров, а не чего-то иного. Но демы подожгли дворец городского эпарха, освободив заключенных. Потом подожгли казармы гвардии, бани Зеуксиппоса, бани Александра и два великих храма – Ирену с Софией.

Через пять дней вся центральная улица, Меси, лежала в дымящихся развалинах, пожары веером шли по городу, а синие и зеленые с криками «Победа!» убивали чиновников по всем улицам.

Оставалась императрица, которая отказывалась садиться на корабль для бегства, и четырехста солдат человека, которого звали Велизарий. Только четырехста. Но Велизарий все-таки повел их к ипподрому.

Они шли колонной среди ночных пожаров, в цепочке шлемов дрожали багровые огни. Шли пешком, потому что лошадей через огонь не водят. Эта колонна продвигалась через хаос, рев, бегущие толпы, которые солдат уже и не замечали. Колонна не смогла добраться до южных ворот ипподрома, повернула, протиснулась к северным воротам, а еще был отряд готов-наемников, человек триста, который запер южные ворота.

Между ними оказалось около сорока тысяч зеленых и синих на трибунах ипподрома, бунтовщики с широкими шелковыми рукавами и напояженными волосами, с музыкантами, акробатами и несчастным Ипатиусом, которого обе демы провозгласили своим императором.

Меч Велизария, величайшего из великих, объединил для скучного Юстиниана империю невиданных размеров. Но никогда до и после побоища на ипподроме ему не приходилось командовать таким боем – когда громадная безоружная толпа в ночи даже не понимала сначала, что она в ловушке, что цепочка неуязвимых солдат в железе эту толпу никуда не гонит и не вытесняет, а просто идет шаг за шагом по трупам вдоль скамеек и не остановится, пока не уничтожит всех.

И их уничтожили. Некоторые пытались взобраться на обелиски в центре ипподрома, соскальзывали вниз, проще было с колонной трех змей – их бронзовые чешуйчатые тела по спирали выются вверх, но и с этой колонны бунтовщиков стаскивали и убивали.

А дальше синие зачем-то напали на зеленых на улицах города, на драку поднялись пригороды, гвардейцы рубили и тех и других, но все когда-нибудь кончается; итог – тридцать пять тысяч уничтоженных зеленых и сотни синих. И полностью сожженный центр города. И император, который запретил гонки колесниц на несколько лет.

Сегодня колесницы несутся по кругу, как встарь. Демы, конечно, мало похожи на то, чем они были два с лишним столетия назад. Но без них не было бы империи.

Они, конечно, отличаются друг от друга. Синие – это по большей части те, кто владеет землей, продает виноград, скот и фрукты. Точнее, их дети. А зеленые – только здесь, в Юстиниане, я понял, где империя берет лучших из лучших юношей для императорской службы.

Кто угодно может стать императором – надо только, чтобы солдаты подняли тебя на щите над толпой. Заимствованные у иранских владык корону и тяжелый шар за прошедшие столетия вручали мяснику, сборщику налогов, крестьянину из северной Сирии... И у многих получилось совсем неплохо.

Неграмотный человек не может править государством. Человек, который не может прочесть хоть часть из тридцати пяти тысяч книг собственной библиотеки, – нелучший император. Но этой страной на самом-то деле правят не императоры, а тысячи чиновников – из ведомств городских епархов, или подчиненные великого логофета, или логофета войны, или логофета дрома. Последние меня интересовали больше всего – дрома, то есть дорога, это как раз по моей части. Но дело не в этом. А в том, где все эти мальчики, будущие правители империи, получали свое внушительное образование.

В империи учатся все – по крайней мере горожане. Литература, грамматика и риторика, стихи обожаемого всеми слепого поэта, недоступные для меня пьесы умерших мудрецов, а потом и известный всему миру Аристотель. Но в шестнадцать лет все это заканчивалось. И меня часто посещало любопытство – а где они берут людей действительно высокого класса, если академия Афин закрыта давно, а академия в Александрии досталась народу арабийя, они же саракинос? Кто готовит к работе всех этих гениальных юношей, которых, как я слышал, очень тщательно ищут – и находят – по всей империи, невзирая на их происхождение и богатство семьи? Не в монастырях же. Там совсем другая наука, хотя тоже, бесспорно, замечательная.

Вот теперь, в маленькой Юстиниане, я видел, как это происходит. Демы. И здесь демы.

– Где бы они иначе взяли книги, – завистливо сказала Анна. – Две золотые номисмы за вот такую книжечку. А бывает, и пять, и десять. И если ты не сенатор...

Я огляделся. В раскаленном небе застыли крестики птиц, вокруг нас сходили с ума кузнечики.

– Но почему их привезли именно сюда, вот вопрос номер два, – сказал я.

– В драконовые места? – деловито отозвалась Анна.

– Почему попросту не выехать за три-четыре дня пути от стен Города? – продолжил я. – Там уже прохладнее. И никто не разбежится в поисках удовольствий. Все как здесь. Что же тут такого, чтобы ехать через всю империю или то, что от нее осталось? А, дорогая Анна? Ведь дальше – граница. И эти самые саракинос каждый год набегают сюда небольшими отрядами, уводить скот и людей в рабство. И зачем было везти вот этих мальчиков именно сюда, где довольно опасно?

– Не так уж опасно, – с прекрасной уверенностью отозвалась она. – Здесь живут лучшие во всей империи воины.

– То есть?

– Ну здесь же Армениакская фема, – задумчиво сказала она. – Эти люди умеют воевать. Все знают, что у них тут здоровенные мечи с двойной рукояткой. Кони в броне. И железные крюки для лазанья по скалам, и кожаные щиты от камней, которые кидают сверху. В общем, эти армяне – здоровенные ребята, – завершила она.

– Это что – вот они, – я указал на кастрю или кастеллий на вершине холма, – и есть те самые армяне?

– Ну да, – сказала Анна. – Видел, какой у них хлеб? Как простыня. Но вкусный, если свежий. Хотя и нормального хлеба хватает. И кстати, уважаемый сер Нанидат...

Надо было признать, что мой второй вопрос оставался без ответа. Зачем было ехать именно в этот, возможно – последний перед границей городок? И почему после нашего появления здесь в ночи разносится вой, который для местных жителей остается такой же загадкой, как для нас?

Но если мой опыт хоть что-то значит, а он, к сожалению, значит очень много, нам недолго осталось ждать хотя бы некоторых разгадок.

– И кстати, уважаемый сер Нанидат, – не отставала упорная Анна, – я не знаю, понравится ли это тебе, то есть вам, но пришло время обеда, и...

Тут я приготовился проявить раздражение – опять лезть по тропинке вверх по холму...

– ...и я хотела пригласить... У меня есть горшочек со вкусной едой и немножко хлеба. Так вот живем. На гору не ходим, едим супчик.

Я уже хорошо знал, что Анна и еда нежно дружат. Она накормила меня чем-то, стоившим не просто меньше фолы, а, видимо, меньше половины его. Это был всего лишь горох, на грани между кашей и супом, а ведь эту грань надо тоже уметь почувствовать. Небольшой котел стоял у Анны во дворе виллы, укрепленный между тремя аккуратными пирамидками камней, с четвертой стороны камня не было, туда Анна запихивала все сухие ветки в округе и устраивала очаг. Я подумал, что давно не ел ничего настолько дешевого – я бы даже сказал, позорно дешевого, она даже плоские ложки, кажется, сама вырезала ножиком из дерева. Но и такого вкусного. Как это делается? Поджаренный лук, понятно, вот он. Немножко местной зелени, как в монастыре. Тоже понятно. Но...

– Просто, – сказала Анна. – Главное – свиная шкурка. Ее можно выпросить вообще просто так, бесплатно, если попридуриваться у прилавка! Всего-то вот такой кусочек, много ли бедной девушке надо. Ты смазываешь ею котел и жарешь лук, вот так... И после этой жарки шкуркин запах – он очень важен для супа. Если это вообще суп. Вот. Ну еще зелень хорошая. Тут вообще хорошо, если бы... Не эти странные вещи.

Я задумался.

– Ну ладно, – сказал я, наконец. – Мы явно не поймем сейчас, зачем нас привезли сюда. Но давай посмотрим – а что здесь вообще есть, вокруг нас. Вот, видишь, эта точка на земле – тот холм и городок на нем. А вот много открытых, без всякой стены, холмов к югу от него – это город, которого уже нет, только мы тут сидим. Вот дорога...

Анна, к моему удивлению – сколько же талантов у девочки, – мгновенно набросала в пыли довольно ясную карту. И если вспомнить, то это ведь благодаря ее чертежу я понял, что монастырь – тот самый, который буквально через два дня спас жизнь Прокопиусу и мне, – ближе, чем кажется, если лететь прямо, как птица.

– Так, монастырь от нас к юго-востоку? – бормотал я. – А юго-запад, что тут?

– Ничего, сер, – уверенно отвечала Анна. – Горы там непроходимы – для армий саракинос, то есть. Нет ущелий, ну разве очень маленькие тропы.

– А дальше монастыря? – спросил я после паузы.

– Дорога... – задумалась Анна. – Которая ведет в еще одну долину...

И замолчала.

Потом добавила:

– А вот уже там, где долина, там совсем рядом граница. Я потом узнаю, сер Нанидат.

Я задумчиво посмотрел на нее: в происходящем я ничего не понимал, кроме одного. Моя уважаемая переводчица – человек на редкость быстрого ума и действия, и мне просто придется направлять ее усилия, потому что иначе она обойдется и без меня, а тогда будет хуже.

– Остался вопрос, который задал тогда... в первый вечер... Никетас этот, с его толстой мордой, – неожиданно подтвердила мои опасения Анна. – А что мы вдвоем тут делаем, с этой компанией зеленых? То есть, что делаю я, понятно, а вот... Что делает очень, очень богатый и очень необычный человек...

И она посмотрела на меня, прищурившись.

И почему, интересно, человеку, перешагнувшему рубеж сорока лет, следует стесняться ребенка лет – да, кажется, семнадцати?

Вполне можно рассказать ей, что я здесь делаю. Дать заготовленный ответ номер два. Или номер три.

Зои, конечно.

Это была Зои. Ее золотистые глаза, которые смотрели на меня с веселым любопытством из-под полупрозрачной вуали. Это была жара середины лета в раскаленном каменном городе, у стены какого-то храма... да, у базилики Полуэктоса, сплошь увитой виноградом, среди кипарисов, уносившихся к закатному небу черно-синими языками пламени. Это были ее слова: «Жаль, господин Маниах, – я с мальчиками должна уехать завтра на край света, я просто должна. Через ворота Харисиоса – и две недели пути. Мне будет не хватать там человека, который может столько всего рассказать о шелке. Как бы я хотела, чтобы они обо всем этом знали. И ведь вас не соблазнить никакими деньгами за это наставничество – ну и чем же мне тогда соблазнить вас, как вы считаете?»

И замолчала, глядя чуть вопросительно.

– Вы когда-нибудь видели человека, который собирается в путь за ночь... да что там, еще быстрее, и несется на край света? – спросил я, снова заглядывая в ее глаза.

– Нет, – очень тихо сказала она, неотрывно глядя на меня. Эти глаза смеялись.

Утром я с Анной нагнал всю веселую команду у ворот Харисиоса. Я просто хотел увидеть лицо Зои в тот момент – и увидел.

В нашем торговом доме всегда есть собранные седельные сумки, где лежит все необходимое, чтобы хозяин этого дома – то есть я – чувствовал себя неплохо хоть год, тронувшись в путь не то что за ночь, а за мгновение.

Собственно, самое сложное было уговорить тронуться в путь мгновенно Анну, которая работала моей неотлучной тенью уже давно. Но эта сирота, живущая при монастырской больнице, проявила удивительную прыть для обитателя Города, чьи жители, повторяю, и за стены-то не любят выбираться. «Я увижу все эти дороги?» – спросила она, широко раскрыв глаза. И собралась сразу. Собрать там было немного.

В ответ на мое искреннее признание из одного слова – «Зои» – Анна задумчиво спросила:

– Так, это агапэ или эрос? И вы... ты ведь не женат, верно?

Ну, это было уже слишком – выяснять разницу между двумя словами, из которых я не знал ни одного. Я отомстил:

– Кстати, мой дорогой друг Анна, ты опять спотыкаешься на этом мягком и долгом «г», и это создает проблемы. «Рагу» – дорога – на самом деле звучит почти как «раг», «рагу», с тем самым мягким «г». А как произносится «верблюд»?

– Агштар, – слишком быстро сказала она.

– Вот именно. Ах-х-х... штар. Беззвучное, как летний ветер. А теперь трудное – согдийский язык вообще непросто – очень трудное слово. Антгуч.

– Я знаю, – сказала Анна. – Вот это я повторяла часто. «Ант... уч». Счастье. Это, наоборот, легко запомнить. И кстати... вот это – на счастье.

Она выудила непонятно откуда – держала в кулаке? – увесистую стекляшку на тонком ремешке.

– Надень, прошу тебя. Чтобы был вот этот самый антгуч, и как можно больше.

Я отклонил голову от ее рук и взял странный предмет в ладонь.

Корявые буквы по краям я прочитать, конечно, не мог. Но хорошо рассмотрел изображения. Два копыта, протыкающие дурной глаз, а пониже – тело змея, одно из копий достает его и припиливает к земле.

– Ты не пожалела собственных денег там, у колдуньи, когда отправила меня постоять у ограды? – спросил я Анну. И попытался заглянуть ей под накидку – конечно, там просвечивал такой же ремешок.

Я подумал и медленно, с неохотой повесил теплую от наших с Анной рук стекляшку на шею.

– Пожалела еще кое для чего, – призналась она. – Но раскаялась и завтра пойду к ней снова. Еще, говорит она, нужен тинтиннабулум. На нем изображен Рафаил, он изгоняет демонов. Это такой колокольчик. Его носят на запястье.

– Я не буду ходить и звенеть колокольчиком, – дернул я плечом. – Не трать время.

– Я так и знала. Ну тогда я буду читать молитву, где перечисляются разные... животные. Эта молитва призывает их вернуться обратно в лес.

6. Беги, гнусная демонесса

Тот день, который завершился диким криком Анны в ночи, начинался спокойно. Мы все сидели (а кто и лежал) на травянистом пригорке под ореховыми деревьями. Господин наставник (то есть я) рассказывал о шелке, о знаменитых иранских узорах – медальонах со сказочными зверями, и еще о том, почему краски на шелке так яркие, почему они светятся внутренним сиянием; о ярмарке в Дувiose и северном пути (через Лазику, Сугдею и Херсон в Таврике); о тонких пальцах женщин и детей, распускавших шелк из Поднебесной империи на нити.

Очень скоро нашей спокойной жизни должен был прийти конец, но мы об этом не знали – иначе относились бы к каждому мгновению совсем по-другому. Они драгоценны, эти мгновения. Да вот – в тот день, на рынке, Анне подарили с прилавка большое и мягкое под пальцами «персидское яблоко», то есть персик с кожицей цвета императорского пурпура. Сейчас меня посещает смешная мысль – из сотен фруктов, которые я съел в своей жизни, помнится почему-то именно этот. Который я даже не попробовал, хотя мне ведь предлагали.

На обратном пути – когда наши виллы в холмах расстилались у ног – мы увидели дым, мягкие белые клубы среди фруктовых деревьев, там, где уснувшей было бане возвратили накапуну воду и жизнь.

Аркадиус возник из этого белого облака как призрак, с длинными, почти до плеч, волосами и отросшей темной жидкой бородкой, увидел Анну, как всегда замер в грусти.

– Он мне вчера сказал, что я, наверное, святая, потому что понимаю язык зверей, представляешь? – сообщила Анна. И потащила меня поближе к бане – все подростки (Феофанос, Эустафиос, Сергиос, Фотиус, Илиополит и так далее) таскали туда хворост, подчиняясь командам Прокопиуса, и все как один были озабочены: а вдруг что-то не сработает, допустим, забиты дымоходы – и тогда все напрасно? Двое даже заделывали камнями без известки какую-то дыру в стене. Баня сверкала чистым камнем, в центре большой залы оказался настоящий бассейн, вода была холодной и прозрачной, мозаика на его дне, как выяснилось, изображала дельфинов.

Сейчас я думаю (а тогда не замечал), что это Зои постаралась после своего разговора с солдатами занять всю компанию, не пускать никого в лес. И у нее это отлично получилось.

Но вот у Прокопиуса, наконец, все удалось, дым начал уходить куда ему было положено. И перед темнотой Анна сообщила мне с круглыми глазами, что мы не просто идем сегодня в баню – мы идем туда все. Все сразу. Как старые боги.

В империи, кажется, есть чуть ли не закон, по которому мужчины и женщины этого вместе делать не могут, даже если они муж и жена. Закон, как известно, это нечто такое, что никто не выполняет, и особенно мужа и жены, но тем не менее...

Решайте сами, где мы – в парадисосе или в старом Риме, сказала нескольким своим питомцам Зои у развалин портика, там, где когда-то был вход в баню. Но раньше в империи это было так, как вы сейчас увидите, мужчины и женщины не стеснялись своих тел, они изображали их на фресках и делали статуи обнаженных богов, статуи стоят по всему Городу и сегодня, хотя уже далеко не все горожане могут назвать имена этих созданий, так похожих на обычных людей.

Элагабал, сказала Зои, ездил по дорожке ипподрома голым в золотой колеснице, в которую были впряжены первые римские красавицы, девушки из лучших семей, тоже голые. И над ними не вился крылатый Эрос, просто люди старых времен считали, что тело человека красиво. А что считать вам – выбирайте сами.

Даниэлида, державшая на плече серебряный кувшин для мытья, уверенно кивнула. Она все давно выбрала.

– А сейчас вообще никто не помнит, кто такой этот Элагабал, кроме того, что телосложения он был отличного, – завершила Зои. – Никаких подвигов за время своего правления он

не совершил. Но мальчик, говорят, был отвратительный. Ну ладно, не отводите друг от друга взглядов, там, у бассейна, и постепенно вы поймете, как это было. Тогда, в том Риме.

Тут мы начали заходить, и разговоры стихли. Звучали только восхищенные возгласы.

Под куполами бани был полумрак, но на земле змеились огненные цепочки из масляных канделябр. Увидеть голых женщин во всех подробностях тут никто из молодежи бы не смог, но всем вдруг стало спокойно и хорошо. Мы начали счастливо вздыхать.

Загудели голоса, среди огней разбрелись неясные фигуры. Не знаю, как Прокопиус это сделал, но теплые испарения пахли свежей травой и хвоей. Кажется, это когда-то была отличная баня.

Я вдруг понял, чего мне все эти дни не хватало, устало присел на скамью, сбрасывая тунику и пояс, заворачивая бедра в тонкую ткань.

И тут сзади раздался уважительный возглас. Подросток – Илиополит, если не кто-то с еще более сложным именем, – протягивал к моей спине руку и что-то говорил. Анна была далеко, да, собственно, вообще не виднелась.

Но тут Зои, завернутая в полотно, возникла из теплого тумана (Илиополит сразу начал отводить от нее глаза) и перевела:

– Что это за рваный шрам у вас на левой лопатке, прямо над сердцем, наставник Маниах?

– Кинжал, – коротко и без подробностей ответил я. – А поскольку мне в тот же день пришлось тронуться в путь, то рана начала гореть, и жив я сегодня только чудом.

– А вот это белое пятно... дайте я посмотрю еще спереди... это же стрела, наставник Маниах? Она проткнула вас насквозь? Вы были солдатом? – снова зазвучал голос Зои.

Наверное, не надо этого было делать, но зачем человеку слава, если нельзя хоть иногда воспользоваться ее сладкими плодами?

– Солдат – не совсем точное слово, – сказал я Илиополиту, глядя в глаза Зои. – В тот день я был эмиром, и у меня под командой было три тысячи воинов. И мы даже победили. А теперь благодаря этой победе вашей империи живется несколько легче.

Сзади воцарилось молчание, а Зои смотрела на меня сверху вниз, как на одного из подопечных.

– А говорят, что боевые шрамы нравятся женщинам? – поинтересовался, наконец, невидимый мне настойчивый юнец.

– Шрамы – нет. Но иногда им нравятся мужчины, которых эти шрамы, возможно, сделали... другими, – сказала она за меня. А потом перевела свои слова – или произнесла что-то совсем другое, потому что юноша, извиняясь и так же избегая смотреть на Зои, с ее беззащитно белевшими в полумраке ногами, скрылся.

Но после этого я заметил, что число людей, как бы случайно заходящих мне за спину, заметно возросло.

Прокопиус сидел в сторонке, на лице его была усталость победителя.

– А правда ли, что в вашей стране считают, что под полом бань живут демоны, они же драконы? – полюбопытствовал я с помощью возникшей из тумана Анны.

– Может быть, господин наставник. Но в этой бане под полом не живет ничего, – сказал он очень вежливо и спокойно. – Мы перевернули все плиты до единой, прочистили все трубы и все дымоходы.

Что ж, никакого особо интересного ответа я и не ожидал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.